

АЛЖИРСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ 2

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

КАФЕДРА ВОСТОЧНЫХ И СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

БЕНХАМАДИ ЛЕЙЛА

**ОБРАЗОВАНИЕ И УПОТРЕБЛЕНИЕ ДееПРИЧАСТИЙ
НЕСОВЕРШЕННОГО И СОВЕРШЕННОГО ВИДОВ В ЯЗЫКЕ
РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX-XX ВВ.**

Магистерская диссертация по русской филологии

Научный руководитель:

Док. Абид Люафи

Алжир – 2014

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
1. Деепричастие в системе русского языка	
1.1 Глагол в системе русского языка.....	8
1.2 История возникновения деепричастий в системе русского языка.....	11
1.3 Морфологические признаки деепричастий в русском языке.....	15
1.4 Переход деепричастий в наречия, предлоги и союзы.....	22
Выводы по первой главе	29
2. Анализ форм и функций деепричастий несовершенного и совершенного видов в языке русской художественной литературы XIX-XX вв.	
2.1 Формы и синтаксические функции деепричастий в русском языке	31
2.2 Стилистическая характеристика деепричастий в русском языке	48
2.3 Таксисные значения деепричастий современного русского языка.....	56
2.4 Анализ форм деепричастий несовершенного и совершенного видов в языке русской художественной литературы XIX-XX вв.....	68
2.5 Анализ функций деепричастий несовершенного и совершенного видов в языке русской художественной литературы XIX-XX вв.....	75
Выводы по второй главе	81
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	83
БИБЛИОГРАФИЯ.....	85

ВВЕДЕНИЕ

В составе грамматических категорий, присущих русскому языку особое место занимает деепричастие, как одно из отглагольных образований, которое отличается большой синтаксической подвижностью, динамичностью и выразительностью в передаче обозначаемых действий.

Проблема деепричастий в современном языкознании хорошо освещена в работах по современному русскому языку, различные её аспекты затрагивали такие учёные, как А. А. Потебня, Д. Н. Овсянико-Куликовский, А. А. Шахматов, В. В. Виноградов и др. Однако данная проблема не потеряла своей актуальности, поскольку в историко-лингвистической литературе до сих пор многие вопросы, связанные с употреблением разных форм деепричастий требуют дальнейшего изучения на широком и разнообразном языковом материале. Таким образом, нельзя утверждать, что деепричастие получило полное и всестороннее освещение и все проблемы окончательно решены.

Настоящее магистерское исследование посвящено анализу образования и употребления деепричастий несовершенного и совершенного видов в языке русской художественной литературы XIX-XX вв.

Актуальность данной работы заключается, во-первых, в насущной потребности иметь всестороннее освещение деепричастия, занимающего особое место в системе отглагольных образований русского языка в силу высокой степени частотности его употребления в книжной речи; во вторых, в существенной роли, которую играла исследуемая категория деепричастий в развитии структуры предложения, поэтому немаловажное значение имеет оценка той роли, которую играла категория деепричастий в русской художественной литературе XIX-XX вв., поскольку именно такими

временными рамками ограничивается период наиболее активных преобразований, благодаря чему становится возможным проследить эволюцию деепричастий в период активного становления норм русского литературного языка.

Гипотеза исследования - совершенствование навыков образования и употребления деепричастия несовершенного и совершенного видов у студентов кафедры русского языка будет более эффективным, если:

- процесс систематизации будет построен с учетом выявленного типа трудностей овладения видовременными формами русского глагола у студентов;

- обучение будет организовано в форме систематизирующего коррективного курса. Результаты исследования, связанные с корректировкой нормативного использования деепричастия в предложении, имеют важное значение для предупреждения ошибок обучающихся в устной и письменной речи, для корректировки типологии этих ошибок.

Цель работы заключается во-первых, в анализе образования и употребления деепричастий несовершенного и совершенного видов в произведениях А. П. Чехова, К. Г. Паустовского и В. Ф. Тендрякова, в их соотношении с нормами современного русского литературного языка, во-вторых, в описании употребления деепричастий несовершенного и совершенного видов в различных временных отношениях.

Для достижения отмеченных целей необходимо решить следующие задачи:

- 1) Выявить общетеоретические и специфические свойства русского деепричастия и дать их подробное грамматическое описание;

2) Выделить вариантные формы деепричастий несовершенного и совершенного видов, образованные от одних и тех же глаголов, и охарактеризовать их с точки зрения их соответствия нормам современного литературного языка;

3) Охарактеризовать изменения в синтаксическом функционировании деепричастных форм;

4) Описание таксисных значений в художественных произведениях.

Объектом исследования являются деепричастия несовершенного и совершенного видов, функционирующие в художественных произведениях XIX-XX вв.

Научная новизна работы заключается в анализе новых материалов с точки зрения употребления в них форм деепричастий.

Теоретическая значимость данной работы заключается в углублении и уточнении теоретических проблем, связанных с употреблением деепричастий НСВ и СВ. Результаты исследования помогут решить вопрос о причинах и характере варьирования грамматических форм деепричастий несовершенного и совершенного видов.

Практическая значимость исследования. Определяется возможностью использования его результатов в теории и практике преподавания русского языка как иностранного, в частности, в курсах по лингвистике, а также по исторической грамматике русского языка, по стилистике. Материалы диссертации способствуют развитию лингвистического мышления студента, окажут помощь преподавателю в руководстве научной деятельностью обучающегося, а студенту – в выполнении творческой работы по грамматике.

Методика исследования. Основными методами данной работы являются метод системного грамматического анализа, описательный метод. Описательный метод представлен такими конкретными приемами, как наблюдение, сопоставление, обобщение.

Материалом исследования послужили художественные произведения русских писателей XIX–XX вв. Были обследованы художественные произведения А. П. Чехова, К. Г. Паустовского и В. Ф. Тендрякова, отражающие русский литературный язык XIX–XX вв.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы.

Во Введении обосновывается актуальность темы исследования, определяются цель и задачи, даётся характеристика материалов и методов исследования, отмечаются его научная новизна, теоретическая и практическая значимость.

В первой главе "Деепричастие в системе русского языка" рассматриваются общие теоретические вопросы, связанные с изучением деепричастий в русском языке. Были рассмотрены основные взгляды лингвистов по вопросу о месте деепричастий в системе русского языка, и их отношение к другим частям речи. Даётся историко-временная характеристика возникновения деепричастий в системе русского языка.

Во второй главе "Анализ форм и функций деепричастий несовершенного и совершенного видов в языке русской художественной литературы XIX–XX вв." даются правила об образовании и употреблении деепричастных конструкций в русском языке. Проведён анализ основных типов деепричастий, использованных в произведениях А. П. Чехова, К. Г. Паустовского и В. Ф. Тендрякова, в их соотношении с нормами

современного русского литературного языка. Анализ деепричастий осуществлялось по двум основным направлениям: формальному и функциональному. Главное внимание уделялось контекстуальным условиям употребления рассматриваемых форм.

В заключении проводятся итоги работы. Обобщаются результаты проведённого исследования.

Библиография включает всю использованную литературу.

1. Деепричастие в системе русского языка

1.1 Глагол в системе русского языка

Наиболее общими и необходимыми категориями в грамматике каждого языка являются части речи. С выяснения вопроса о частях речи начинается грамматическое описание любого языка. Части речи — это лексико-грамматические классы слов, т. е. классы слов, выделенные с учетом их обобщенного значения, морфологических признаков и синтаксического поведения.

В современном русском языке различаются части речи самостоятельные и служебные. В речи самостоятельные и служебные слова выполняют разную работу. В предложении самостоятельные слова, называя предметы, их признаки, действия и т.д., выполняют роль членов предложения, а служебные чаще всего служат для связи самостоятельных слов. К самостоятельным частям речи относятся: имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, местоимение, глагол, наречие.

Глагол — одна из самых больших частей речи в современном русском языке, которая объединяет слова, обозначающие действие или состояние предмета как процесс. Морфологически это значение выражается в категориях лица, времени, наклонения, вида и залога. Глагол обладает также категориями числа и рода. Категории числа и рода, свойственные некоторым глагольным формам, не являются специфичными только для глагола как часть речи.

Акад В. В. Виноградов в своем «Русском языке» даёт подробный исторический обзор, в котором отражаются работы различных русских аспектологов и определяет глагол таким образом: « Глагол — самая сложная и самая ёмкая грамматическая категория русского языка. Глагол наиболее

конструктивен по сравнению со всеми другими категориями частей речи. Глагольные конструкции имеют решающее влияние на именные словосочетания и предложения» [Виноградов, 1972, с. 337]. Глагол, по А. А. Потебне, — это высшая, наиболее отвлеченная, наиболее конструктивная и прогрессирующая категория языка. С организацией глагола был связан переход от древнего именного строя предложения к глагольному» [Виноградов, 1972, с. 338]. Своеобразной категорией глагола является категория вида, которую имеют все глаголы и глагольные формы и от которой зависит образование причастий, деепричастий и др. Категория вида — это система противопоставленных друг другу двух рядов форм глаголов: ряда форм глаголов, обозначающих ограниченное пределом целостное действие (глаголы совершенного вида), и ряда форм глаголов, не обладающих признаком ограниченного пределом целостного действия (глаголы несовершенного вида). Ограничение действия пределом означает ограничение действия абстрактным, внутренним пределом, представляющим действие как целостный акт, в отличие от представления действия как процесса в его длительности или повторяемости. Вопросам глагольного вида посвящена обширная литература. Исследователи на этом этапе занимают вопросы о сущности видов, о характере категории вида, и т.п. Так, А. Х. Востоков выделил три вида: неокончательный, совершенный и многократный. Виды он рассматривал как выражения разных моментов действия: совершенному виду отводилось значение начала и конца действия, неокончательному — значение середины действия, многократному — значение повторяемости [Востоков, 1872, с. 30-31]. О степенях длительности говорил и А. А. Потебня. Он выделил четыре степени длительности, связывая их, но не отождествляя с совершенностью и несовершенностью [Потебня, 1977, с. 34-110]. В дальнейшем учение о двух видах (совершенном и несовершенном) разрабатывалось в трудах Г. К. Ульянова, Ф. Ф. Фортунатова, А. А. Шахматова, А. М. Пешковского и других ученых [Бурнисса, 2004, с. 28-29].

Лингвисты Ф. Ф. Фортунатов, А. М. Пешковский рассматривают вид как категорию, которая обозначает распределение действия во времени, недлительности процессов или же его протяженности, длительности. Само действие может рассматриваться по отношению к ограниченному времени в его развитии (значение совершенного вида) или без отношения к какому-либо определенному времени (значение несовершенного вида). А. М. Пешковский пишет, что « категория вида обозначает, как протекает во времени тот процесс, который обозначен в основе глагола» [Пешковский, 1956, с. 104-105]. Другие ученые (А. А. Шахматов, В. А. Богородицкий) подчеркивают в определении видов способ прохождения действия (его течение, совершение и выполнение). Отсюда у А. А. Шахматова выделение рядов каждого из двух видов [Виноградов, 2001, с. 425-428].

Тонкие наблюдения над значением глагольных форм сделаны Г. К. Ульяновым. Он обращает внимание на связь значений в кратных основах с приставкой по- с реальными значениями глагольных основ, с одной стороны, и с общим смыслом словосочетаний, с другой стороны; если глагольная основа обозначает признак составной, то в качестве кратной с приставкой по- она обыкновенно обозначает собственно-составное время признака, то есть обозначает длительное время признака как распадающееся на отдельные моменты: постукивать, попрыгивать и т.п. [Ульянов, 1895, с. 125].

Способы образования деепричастных форм в процессе их исторического развития приобретали вполне определенную зависимость от вида производящего глагола. Однако и в современном русском языке продолжает сохраняться возможность образования деепричастных форм, опираясь на видовую принадлежность производящего глагола.

Для того чтобы понимать хорошо деепричастие, приходится особое внимание в первую очередь направить на уточнение общего понимания

деепричастия, его происхождение, на выявление его синтаксического положения в строе предложения и на особенности его отношений к другим частям речи.

1.2 История возникновения деепричастий в системе русского языка

Изучение деепричастия в русском языке имеет давнюю традицию, ему посвящен целый ряд трудов. Некоторые замечания о деепричастии имеются уже в грамматике М. Смотрицкого (1619), который считает, что «деепричастия суть причастия чрез усечение или изъятие сокращения и знаменованием от причастий (от них же составляются)» [Кузнецов, 1958, с. 32].

В трудах Г. П. Павского, Ф. И. Буслаева также отмечается тесная взаимосвязь деепричастия и причастия. Так, в «Филологических наблюдениях» Г. П. Павского говорится, что «деепричастие — это несклоняемое причастие, или глагольное наречие» [Павский, 1850, с. 6]. Ф. И. Буслаев в своей грамматике отмечает, что «не было деепричастий в церковнославянском и древнерусском языках, а есть только причастия, но краткие и полные и что наши деепричастия произошли от кратких причастий» [Буслаев, 1896, с. 48].

Как известно, деепричастие представляет пример категории, образовавшейся в историческую эпоху русского языка; оно сформировалось на основе существовавших в древнерусском языке кратких причастий, именно из двух категорий причастий — кратких действительного залога настоящего и прошедшего времени.

Большинство исследователей доказывают отпричастное происхождение деепричастия в русском языке. Здесь можно назвать работы Д. Н. Овсянико-Куликовского (1912), А. А. Шахматова (1941), А. А. Потебни (1958) и другие.

Так, А. А. Шахматов отмечал, что «деепричастие несовершенного вида по происхождению своему представляет краткие формы причастия настоящего времени, потерявшие свою связь как с родом, так и с числом и падежом; одно из окончаний деепричастия *-а* (после *j* и мягких согласных) представляет старое окончание им. ед. мужского рода: *идя, ходя, делая*; другое *-учи* представляет старое окончание им. мн. мужского рода (*-учи* при и вместо *-уче*): *идучи*» [Шахматов, 1941, с. 199].

Переформирование этих причастий в деепричастия в основном выражалось в том, что они стали тяготеть к глаголу-сказуемому, тогда как в древнерусском языке они подчинялись существительному-подлежащему, согласуясь с ним. «Подчинение глаголу привело к утрате согласования и в связи с этим к потере рода, вследствие чего формы *написав* — *написавши*, *неся* — *несучи* стали однозначными и формы на *-вши* почти вытеснены, а формы на *-учи* перестали употребляться в литературном языке» [Попов, 1978, с. 251].

Таким образом, в русском языке осталась только одна форма бывших кратких причастий — старый имен. пад. ед. ч. муж. и ср. р. в настоящем времени на [а](-я), в прошедшем — на [ъ],[въ] (или после падения редуцированных — форма, равная чистой основе, или форма на [в], типа *прочитав*). Эта причастная форма потеряла все те признаки, которые сближали её с прилагательными, и прежде всего потеряла способность согласования с подлежащим. Именно это и указывает на превращение бывшего причастия в деепричастие. Кроме формы бывшего имен. пад. ед. ч. муж. и ср. р., в русском языке сохраняется ещё форма имен. пад. ед. ч. жен. р. типа *идучи*, *несучи*. Такие формы широко были распространены ещё в XVIII в. и существуют теперь иногда в просторечии. В литературном языке к этой форме восходят *будучи*, *умеючи*, *крадучись*. По мнению М. В. Ломоносова,

деепричастия на *-ючи*, явно русские по структуре, можно образовывать лишь от таких глаголов, которые не происходят от славянских « При сем примечать надлежит, что деепричастия на *-ючи* пристойнее у точных Российских глаголов, нежели у тех, которые от Славенских происходят; и напротив того деепричастия на *я* употребительнее у Славенских нежели у Российских» [Кузнецов, 1958, с. 58].

Теория А. А. Потебни, А. А. Шахматова и др. о происхождении деепричастия из причастия впоследствии была принята и дополнена многими исследователями. Кардинально отличается от теории А. А. Потебни точка зрения А. Г. Руднева, который считает, что категория деепричастия не могла развиваться из причастия «Мы не знаем таких фактов, – пишет А. Г. Руднев –, чтобы слова, входящие в состав подлежащего, подвергались адвербиализации. Адвербиальное значение деепричастий могло развиваться в грамматическом строе языка только на синтаксической основе при непосредственной связи с глаголом в роли сказуемого» [Руднев, 1959, с. 61]. Необходимой синтаксической основой для появления категории деепричастия являются однородные члены предложения – сказуемые, одно из которых выражено краткой формой действительного причастия. В позиции сказуемого, в силу синтаксического положения и обстоятельственного значения, причастие приобретает неизменяемую форму и выступает в предложении в роли обособленного предикативного обстоятельства.

Однако, несмотря на существование противоположных точек зрения, теория А. А. Потебни о появлении деепричастия из причастия остаётся основополагающей.

Вопрос о времени возникновения деепричастия в русском языке также является одним из дискуссионных. Хронология этого процесса определяется

учеными неоднозначно. Разные мнения существуют по поводу начала перехода причастий в деепричастия, так и по поводу завершения этих преобразований. Наиболее определенно пишет о появлении деепричастия А. А. Потебня: «Ещё довольно трудно в точности определить, как продолжителен период образования деепричастий. Кажется несомненным, что в конце XIV в. причастия действительные аппозитивные были уже только в книжном языке, и деепричастие, как вполне определившаяся часть речи, уже существовало, хотя и отличалось кое-чем от нынешнего» [Потебня, 1958, с.186]. Как раз именно то, что в памятниках древнерусского языка начинают появляться факты нарушения согласования причастий с подлежащим (ср., например, в послесловии к Суздальской летописи 1377 г. *исправлявая почитайте* вместо *исправляюще*, т. е. ед. ч. вместо древнего мн.ч.), — именно это и указывает на превращение бывшего причастия в деепричастие — неизменяемую глагольную форму, выступающую в роли второстепенного сказуемого [Иванов, 1964, с. 405].

Однако мнение исследователей относительно завершения этого процесса сложно назвать единодушным. Так, Л. Е. Лопатина указывает, что «В XV в. процесс выбора одной из причастных форм, закрепления её в качестве новой морфологической категории — деепричастия — ещё только начинается» [Лопатина, 1978, с. 107]. Деепричастие как «отдельную глагольную категорию в русской письменности второй половины XVI в. рассматривает С. Д. Никифоров» [Никифоров, 1952, с. 273]. Вместе с тем большинство исследователей связывает завершение процесса формирования деепричастия с XVII в. Например: Кудрявский (1916); Коротаева (1959); Спринчак (1965); Стеценко (1978); Котков (1974); Припадчев (1978); Агафонова (1981) и др. Однако, З. Д. Попова и Н. Н. Запольская вообще считают временем формирования деепричастия XVIII в.

1.3 Морфологические признаки деепричастий в русском языке

К вопросам деепричастия обращались лингвисты прошлого от М. В. Ломоносова до А. А. Потебни. Огромный вклад в изучение деепричастия внесли труды А. А. Шахматова (1941), А. А. Потебни (1958), В. В. Виноградова (1972). Внимание лингвистов сосредоточивается на его морфологической принадлежности, на грамматическом статусе, на составе морфологических категорий.

Вопрос о грамматическом статусе деепричастия в русском языке имеет давнюю традицию. Отсутствие единства в его решении наблюдается на протяжении длительного времени вплоть до современных исследований. Так, М. В. Ломоносов, а вслед за ним и А. А. Барсов, объединяли причастия и деепричастия в одну категорию. В грамматических руководствах XIX века высказывалось мнение, что деепричастие представляет собой неизменяемую часть речи – отглагольное (глагольное) наречие (Н. И. Греч, Г. Павский, Ф. И. Буслаев). Дискуссия о статусе деепричастия продолжалась и в работах лингвистов первой половины XX века: Д. Н. Овсяннико-Куликовский характеризовал деепричастие как отдельную часть речи [Овсяннико-Куликовский, 1912, с. 312], а В. А. Богородицкий относил его к «придаточным частям речи, имеющим собственное значение», называя «наречием к причастию» [Богородицкий, 1935, с. 105]; А. М. Пешковский рассматривал деепричастие как «смешанную часть речи», в которой равноправны глагольность и значения наречия [Пешковский, 2001, с. 128], что близко к точке зрения В. В. Виноградова, считавшего деепричастие гибридной наречно-глагольной категорией [Виноградов, 1972, с. 308]. На специфику деепричастия обращал внимание и Л. В. Щерба, правда, не избежав при этом некоторой противоречивости в суждениях: «что касается деепричастий, то они, конечно, составляют резко обособленную группу. В

сущности это настоящие глагольные формы, в своей функции лишь отчасти сближающиеся с наречиями» [Щерба, 1957, с. 73].

Другие ученые (М. В. Панов, Н. М. Шанский, А. Н. Тихонов и др.) склонны к вычленению деепричастия в самостоятельную часть речи, так как они не имеют многих грамматических признаков, свойственных глаголу. Ещё одним, более существенным критерием выделения деепричастия в качестве самостоятельной грамматической категории являются синтаксические функции и грамматическое значение рассматриваемых форм.

Деепричастие, выработавшее в результате длительной истории своего становления специфическое грамматическое, выполняющее в предложении предикативные (*второстепенное сказуемое*), обстоятельственные, а также предикативно-обстоятельственные функции, обладающее особыми грамматическими показателями и характеризующееся неизменяемостью формы, проявляет довольно отчетливое стремление к превращению в самостоятельную грамматическую категорию.

Все перечисленные характеристики свойственны деепричастию на всех этапах его формирования и становятся все более определенными по мере приближения к современному состоянию.

Итак, в исследованиях, складываются две противоположные позиции при определении места деепричастия в грамматической системе русского языка. Но наиболее распространенной является точка зрения, согласно которой деепричастие является формой глагола. Однако эта форма характеризуется по-разному. В грамматических трудах середины XX в. она называется неспрягаемой (Грамматика русского языка 1953; Современный русский литературный язык 1958), позже — атрибутивной (Русская грамматика 1980). В современном русском языке деепричастие определяется как «неспрягаемая глагольная форма, обозначающая добавочное действие, связанное с другим

действием» [Гвоздев, 1958, с. 362]. В предложении деепричастие поясняет глагол-сказуемое и выражает добавочное действие, совершаемое действующим лицом. Это даёт возможность одно из действий представить как главное, а другое как второстепенное, сопровождающее главное: *«Переписывая жителей, я встретил 8 человек, которые прибыли на Сахалин до 1870 г., а один из них прислан даже в 1866 г.»* [Чехов, 1985, с. 104]. Действие, выраженное глаголом, и действие, выраженное деепричастием всегда относятся к одному лицу или предмету. Наоборот, нарушает нормы литературного языка такое употребление деепричастий, когда деепричастие и сказуемое обозначают действия разных лиц [Гвоздев, 1958, с. 363].

Морфологические признаки деепричастия также определяются неоднозначно. Большинство лингвистов считает, что деепричастия обладают категорией вида (В. В. Виноградов, П. С. Кузнецов, А. Н. Тихонов и др.). В других работах говорится о наличии у деепричастия категории времени (А. Х. Востоков, В. И. Чернышев, Д. Н. Кудрявский, В. И. Борковский, Т. П. Ломтев, А. А. Зализняк и др.). Подобные разночтения в характеристиках связаны с происхождением деепричастия и его последующим развитием. С одной стороны, деепричастия сформировались на основе действительных причастий настоящего и прошедшего времени. Кроме того, указание на категорию времени у деепричастия может быть связано и со спецификой значений, которые они могут передавать, выступая в предложении в качестве второстепенного сказуемого и обозначая время второстепенного действия через отношение ко времени основного действия, выраженного глаголом-сказуемым. С другой стороны, способы образования деепричастных форм в процессе их исторического развития приобретали вполне определенную зависимость от вида производящего глагола. Однако и в современном русском языке продолжает сохраняться возможность образования

деепричастных форм от одной и той же глагольной основы с помощью разных суффиксов, что не всегда находится в соответствии с видовой принадлежностью производящего глагола и приводит к появлению синонимичных образований.

Для древнерусского периода, когда для деепричастий связь с прошлым состоянием ещё была достаточно живой, что выражалось как в разнообразии форм, так и в специфике синтаксических функций, считаем возможным говорить о деепричастиях настоящего и прошедшего времени, а начиная со старорусского периода – деепричастиях несовершенного и совершенного вида, опираясь при этом на видовую принадлежность производящего глагола.

Таким образом, принадлежность деепричастия к глаголу проявляется в наличии категорий вида и залога (действительного и средне-возвратного). Кроме того, деепричастию свойственно способность управлять другими словами, как и глаголы, от которых они образованы: *любить (что?) свободу; любя (что?) свободу.*

Что же касается категории вида, полезно отметить, что в «Практической грамматике» Н. И. Греча и «Русской грамматике» А. Х. Востокова исследуемый класс слов представлен данным категорием. В «Российской грамматике» А. А. Барсова деепричастие вида не имеет, поскольку под самим термином *вид* в грамматике понимается не грамматическая категория, а словообразовательная структура. Виды глагола, по мнению В. В. Виноградова, скрываются под термином «степени протяжения», обозначающим меру продолжительности и объём действия. Виды были названы степенями, вероятнее всего, по аналогии со степенями сравнения прилагательных [Виноградов, 2001, с. 117].

В «Практической грамматике» Н. И. Греча представлено четыре вида деепричастий, образованных от простых глаголов: неопределенный (*дѣлая, дѣлавъ; кидая, кидавъ*), многократный (*дѣлывавъ, кидывавъ*), однократный (*кинувъ*), определенный (*неся, несши*), и шесть видов, образованных от предложных, то есть приставочных в современном понимании, глаголов: несовершенный (*обдѣлывая, обдѣлывавъ*), совершенный (*обдѣлавъ*), совершенный неопределенный (*закидавъ, выносивъ*), совершенный однократный (*закинувъ*), несовершенный неопределенный (*вынашивая, вынашивавъ*), несовершенный определенный (*вынося, выносивъ*) [Греч, 1834, с. 212-213].

Обращаясь к категории залога, необходимо отметить, что с точки зрения современного русского языка деепричастие имеет два залога.

В грамматике А. А. Барсова представлено три залога деепричастия: действительный, оканчивающийся на *-ся* и страдательный (*двигая, двигнувши; двигаясь, двигнувшись; будучи двигаемъ, бывши двинуть*) [Барсов, 1981, с. 603-604]. В грамматике А. Х. Востокова данный класс слов характеризуется действительным или страдательным залогом. При этом деепричастие действительное «не показывает ни родов, ни чисел и имеет только окончания времен: настоящего: *-я, -ая, -учи* (*сидя, читая, живучи*); прошедшего: *-въ, -ши* (*сидѣвъ, живши, читавши*)». Страдательное деепричастие «составляется приложением деепричастия вспомогательного настоящего времени *будучи* и прошедшего *бывъ* к причастию страдательному спрягаемого окончания; следовательно сие составное деепричастие показывает роды и числа. Напр. *книга, будучи читаема, бывъ читаема, бывъ прочитана*» [Востоков, 1835, с. 107].

Лингвист Н. И. Греч в «Практической грамматике» отмечает, что «деепричастия бывают во всех залогах глаголов, то есть действительных,

средних, возвратных и взаимных» [Греч, 1834, с. 212]. Страдательные деепричастия в его грамматике выражены, как и в грамматиках Барсова и Востокова, деепричастием вспомогательных глаголов *будучи*, *бывъ* с присоединением страдательного причастия (*будучи любимъ*). Г. П. Павский в «Филологических наблюдениях» относит все деепричастия к действительному залогу и поясняет, что «причастия страдательного залога у нас не переходят в глагольные наречия» [Павский, 1850, с. 139].

Таким образом, из трёх залогов в соответствии с трёхзалоговой системой у деепричастия сохраняется два – действительный (*читая*, *прочитав*) и возвратно-средний (*умываясь*, *умывшись*). Страдательного залога данная часть речи не имеет.

Если же опираться на двухзалоговую систему, то необходимо признать, что все деепричастия имеют действительный залог. В этом отношении Г. П. Павский наиболее близок к современной трактовке залоговых отношений деепричастия.

Что же касается категории *времени*, необходимо отметить, что, в современном русском языке, деепричастия имеют только относительное время, которое можно определяется в контексте. При этом наблюдается определённая связь между суффиксом деепричастия и временным значением, т.е. деепричастия с суффиксами *-а*, *-я* обычно в предложении имеют значение одновременности, а с суффиксами *-в*, *-вши*, *-ши* – значение предшествования или следования основному действию.

В русском языкознании конца XVIII – первой половины XIX в. деепричастие характеризовалось наличием указанной категории как абсолютной и, следовательно, могло выражать временные отношения. Так, например, в «Русской грамматике» А. Х. Востокова «деепричастие

действительное имеет окончания времен: настоящего: *я, ая, учи*. Напр. *сидя, читая, живучи*. Прошедшего *-въ, -ши*. Напр. *сидѣвъ, читавши, живиши*» [Востоков, 1835, с.107].

Такая же картина в «Российской грамматике» А. А. Барсова, где деепричастие представлено формами преходящего, давнопрошедшего и прошедшего совершенного времен (*двигавши, смѣявшись; двигивавши, посылававши; двигнувши, разсмѣявшись*) [Барсов, 1981, с. 603-604]. Такая характеристика объясняется происхождением данного класса слов, ведь деепричастия сформировались на основе действительных причастий настоящего и прошедшего времени.

Среди представителей исследуемого класса слов учеными выделены возвратные деепричастия: *смѣявшийся, коснувшийся* [Барсов, 1981, с. 603], тем самым было обозначено ещё одно свойство деепричастия, восходящее к производящему глаголу – *возвратность/невозвратность*.

Итак, деепричастие в языкознании конца XVIII – первой половины XIX в. обладало практически тем же набором морфологических категорий, что и в современном русском языке, за исключением указания на категорию *переходности/непереходности*. Однако каждая из этих категорий с течением времени претерпела определенные изменения. Так, приняв за основу то, что деепричастия были образованы на базе причастий, лингвисты А. А. Барсов, Н. И. Греч и А. Х. Востоков наделили указанный класс слов страдательным залогом. В «Филологических наблюдениях» Г. П. Павского, вышедших позднее, отрицается существование деепричастий страдательного залога, с точки зрения ученого, формы типа *будучи гонимъ, бывъ любимъ* необходимы для того, чтобы «выразить понятие, выражаемое глагольным наречием» [Павский, 1850, с. 139].

Древнему деепричастию, оформившемуся на базе причастий, была свойственна категория времени, нашедшая отражение и во всех исследуемых грамматиках. Но в процессе становления деепричастия постепенно закрепляется зависимость его внешней формы от категории вида производящего глагола. Кроме того, в результате окончательного становления видовременной системы глагола число видов глагола и, следовательно, деепричастия сокращается до двух – совершенного и несовершенного. Но это происходит на более позднем этапе развития грамматики.

1.4 Переход деепричастий в наречия, предлоги и союзы

Сложная грамматическая природа деепричастия давала основание исследователям по-разному освещать вопрос об отнесенности его к определенной части речи. Подавляющее большинство ученых строили свои рассуждения между двумя полюсами: глагол – наречие, причисляя деепричастие к одной или другой части речи или помещая его в промежутке между указанными разрядами слов. Лингвисты Ф. И. Буслаев, Д. Н. Овсяннико-Куликовский, например, сближали деепричастия с наречием. Так, Д. Н. Овсяннико-Куликовский писал: «Мы знаем уже, что для выражения признака, отнесенного к другому признаку, существует особая часть речи, называемая наречием (с примыкающим к нему деепричастием) [Овсяннико-Куликовский, 1912, с. 56]. Интересную позицию в данном вопросе занимал А. М. Пешковский, с одной стороны, относя причастия и деепричастия соответственно к прилагательному и наречию, он признает близость многих указанных форм категориям глагола. В дальнейшем он относит все неспрягаемые формы к глаголу в широком смысле (в отличие от личных глагольных форм) [Пешковский, 1956, с. 132].

Лингвисты Н. И. Греч, А. Х. Востоков и Г. П. Павский определяют деепричастие как *наречие отглагольное*. Так, например, у Греча деепричастие «есть наречие отглагольное, то есть слово, которым выражается действующее качество другого качества; например: *ходя, спяшишь; читая, скучаетъ; вздыхая, смѣется*» [Греч, 1834, с. 212]. Характеристика Н. И. Гречем, А. Х. Востоковым и Г. П. Павским деепричастия через термин отглагольное наречие, общего для наречий и деепричастий категориального значения «Слово, коим выражается качество или обстоятельство другого качества или действия, напр. очень горкій, улыбаясь глядеть» [Греч, 1834, с. 206] свидетельствуют о том, что уже в первой половине XIX в., в грамматической теории русского языка развивается синкретический подход к деепричастию как к классу слов, объединяющему в современной теории признаки двух частей речи — глагола и наречия.

Склонность исследователей сближать деепричастие с наречием или глаголом часто сказывается в чисто формальном отнесении параграфов о деепричастии в тот или иной раздел.

Акад В. В. Виноградов, в своем «Русском языке», определяя деепричастие как «гибридную наречно-глагольную категорию» помещает параграф о деепричастии в раздел «Наречие» [Виноградов, 1972, с. 308]. С. И. Абакумов, хотя и подчеркивает, что деепричастие – промежуточная грамматическая категория, примыкающая, с одной стороны, к глаголу, с другой – к наречию и лишь условно вводится в категорию глагола, рассматривает деепричастие в рамках последнего [Абакумов, 1942, с. 97-98]. Большинство вузовских учебников грамматики, подчеркивая определенную гибридность, двойственность деепричастия, рассматривают его как форму глагола, различия носят частный характер. Грамматика современного

русского литературного языка 1970 и Русская грамматика 1980 называют причастия и деепричастия атрибутивными формами глагола.

Наиболее последовательно точка зрения глагольной принадлежности деепричастных форм выражена П.С.Кузнецовым: «единство значения объединяет причастие и деепричастие с тем глаголом, от которого они образованы, вследствие чего как причастие, так и деепричастие должны рассматриваться лишь как различные формы этого глагола» [Кузнецов, 1949, с. 254].

В последние годы в работах ряда исследователей четко наметилась тенденция, своими корнями, очевидно, уходящая в работы М.В.Ломоносова, А.А.Потебни, Л.В.Щербы и других исследователей, рассматривавших причастия и деепричастия как отдельные части речи, к пересмотру, уточнению традиционного представления « о двойственном глагольно-наречном характере категориального значения деепричастия».

На необходимости расчлененного изучения деепричастия и наречия настаивает М.П.Одинцова [Одинцова, 1972, с. 70]. Подчеркивая существенность различий в характере выражаемых деепричастием и наречием признаков, аналогичное мнение высказывает и А. С. Попов [Попов, 1966, с. 20-27] . С. Л. Кечик на основе анализа деепричастий в современном белорусском языке приходит к выводу о необходимости рассматривать их как особую, самостоятельную часть речи [Кечик, 1976, с. 20].

Наиболее последовательно и убедительно мысль о необходимости признания смешанных классов слов отдельными, самостоятельными частями речи высказывается в работах Л. В. Бортэ. Исследовательница подчеркивает, что «в современном причастии и деепричастии нет синкретичного, нерасчлененного выражения разных значений, но представлено соединение

двух грамматических значений (процесса и признака) в одно новое – процессуальный признак носителя (или другого действия/процесса – в деепричастии)» [Бортэ, 1979, с. 24].

Связь деепричастий с наречиями и в тоже время их отличие от наречий отчетливо сказываются на случаях перехода деепричастий в наречия. Акад В. В. Виноградов, касаясь вопроса адвербиализации деепричастий, отмечал, что « процесс адвербиализации деепричастий в современном русском языке более активно протекает внутри форм несовершенного вида, именно на формах без *-ся (-сь)* в большей степени, чем на формах с *-ся (-сь)*. Деепричастия на *-ся (-сь)* носят яркий оттенок наречности, если они семантически сопряжены с определяемым глаголом, включены в его действие. Особенно тесно они примыкают к нему, стоя позади него» [Виноградов, 1972, с. 309]., например:

*«Мы вышли **молча**»* [Паустовский, 1958, с. 25].

*«Берг одевался **не спеша**,— купанье в этот хмурый ледяной день доставляло ему глубокое наслаждение»* [Паустовский, 1958, с. 397].

*«В Коришуновском районе не было оркестра — люди **молча** обступили могилу, из которой тянуло влажным погребным холодком»* [Тендряков, 1979, с.7].

*«Случается, что православный русский мужичок на вопрос, как его зовут, отвечает **не шутя**: «Карл»* [Чехов, 1985, с. 65].

*«Мы долго шли **молча**»* [Паустовский, 1958, с. 60].

*«Как хороший врач-практик, которому скучно лечить неинтересную болезнь, он мельком и **нехотя** оглядел мой тарантас, коротко и ясно поставил диагноз»* [Чехов, 1985, с.36].

*«Айно никогда не умываются, ложатся спать **не раздеваясь**»* [Чехов, 1985, с. 214].

*«Я сижу **не двигаясь**»* [Тендряков, 1979, с. 423].

Таким образом, некоторые деепричастия почти совсем утратили глагольные признаки и по своему значению полностью сблизились с наречиями, например: *стоя, сидя, лежа* (но те же деепричастия могут сохранять своё временное значение), *не спеша, глядя, молча, шутя, любя, немедленно, нехотя* и т. п.

При переходе в наречия деепричастие утрачивает значение добавочного, сопутствующего действия, лишается всех глагольных категорий, т.е. значений вида, залога и управления и начинает выражать простое обстоятельство. Такому изменению не могли, конечно, подвергнуться деепричастия на *-в, -вши, -ши*, от основ совершенного вида, так как видо-временные значения являются их основным грамматическим признаком, однако, постановка одинокого деепричастия совершенного вида с непереходным значением позади глагола несколько смягчает его глагольность и затушевывает видовые и временные оттенки» [Виноградов 1972, с. 313]., например: *«Батулин сидел **задумавшись** и не глядел на сцену»* [Паустовский, 1958, с. 319].

*«Капитан медленно сел. Глан смотрел на него **прищурившись**, – этот человек впервые вышел из своих грубых и резко очерченных берегов»* [Паустовский, 1958, с. 401].

Некоторые деепричастия на *-а, -я* (на *-ясь, -ась*) от приставочных основ совершенного вида, приобретают оттенок «наречности», если они сбрасывают с себя систему глагольного управления и развивают значение качественного состояния или становятся идиоматическими сочетаниями

(повеся голову, высуня язык, сложа руки и т.п.), например: «Я не должна сидеть **сложив руки** и ждать, как вы тогда выразились, когда осенит любовь свыше» [Тендряков, 1979, с. 368].

В наречия перешли деепричастия на *-учи, -ючи* (кроме *будучи*): *умеючи, крадучись, сидючи, глядючи, жалеючи*, и др. Как известно, эти наречия тоже восходят к русским формам кратких причастий, ставших в связи с утратой склонения деепричастиями. Все эти отглагольные группы наречий сближаются с наречиями образа действия. В них очень ощутимы качественно-обстоятельственные оттенки (ср.: *крадучись и украдкой, умеючи и умело* и т.п.): «Около дома Игнатовны встретился Ливан; он шел **крадучись, согнувшись, как на лыжах**» [Паустовский, 1958, с. 285].

По мнению Виноградова, «особенно интенсивно мешают адвербиализации деепричастий видовые значения и оттенки. В некоторых разрядах глаголов они сильнее всего противодействуют сближению деепричастий с наречиями. Так, глаголы несовершенного вида с суффиксами *-ыва-, -ива-* почти не обнаруживают тенденции к адвербиализации. Даже отыменные непереходные глаголы на *-еть* (типа *болеть, светлеть* и т.п.), в которых выражается постепенное развитие процесса, адвербиализуются с трудом» [Виноградов 1972, с. 309].

Деепричастия, утратив лексическое значение, переходят в предлоги: *благодаря, несмотря (несмотря на что-нибудь), невзирая (невзирая на что-нибудь), включая, исключая, спустя, начиная, кончая* и др. Такие отглагольные предлоги генетически связаны с деепричастиями:

«Если взять огулом всех мужчин, **включая** тюрьму и казармы, то 53 сократится приблизительно наполовину» [Чехов, 1985, с. 238].

«Спустя неделю Хатидже приехала в маленький тульский городок, где лежал в лазарете Максимов» [Паустовский, 1958, с. 191].

*«Письма от незнакомых людей, **судя** по обратным адресам, один из города, другие из районов, которые я знал только понаслышке» [Тендряков, 1979, с. 602].*

*«**Несмотря** на усталость и недосуг, генерал принял меня чрезвычайно любезно и беседовал со мною около часа» [Чехов, 1985, с. 58].*

*«У меня всегда чистые носки, свежие сорочки. Вот и теперь, **несмотря на** поздний час, меня ждёт дома горячий обед» [Тендряков, 1979, с. 399].*

*«**Благодаря** героизму рабочих и инженера Габунии катастрофа была предотвращена» [Паустовский, 1958, с. 600].*

В официально-деловой и научной речи довольно активно используются деепричастные обороты с формами: *учитывая, полагая, имея в виду, исходя из, не считая* и т.д., которые используются в качестве вводных замечаний, для них не обязательно отношение к одному с глаголом лицу.

Деепричастия могут переходить и в союзы, например: (*хотя, несмотря на то, что*). Союз *хотя* сочетает ограничительное значение противопоставления с уступительным оттенком, показывающим, что второй член по важности уступает первому:

*«Есть еще одна общая причина побегов: это – вера в легкость, безнаказанность и почти законность побегов, **хотя** в действительности они нележки, караются жестоко и считаются важным уголовным преступлением» [Чехов, 1985, с. 336].*

*«Мои посещения были для неё **хотя** маленькими, но событиями»*
[Тендряков, 1979, с. 399].

Выводы по первой главе:

1. В первой главе настоящей работы были рассмотрены основные взгляды лингвистов на историю деепричастия. Деепричастие сравнительно молодая форма: оно образовалось от форм действительных причастий прошедшего и настоящего времени после того, как эти формы перестали согласовываться по роду и числу с именами существительными в позиции подлежащего. Именно на протяжении XVIII - первых десятилетий XIX веков в целом завершается отделение деепричастий от причастий и оформление в первых самостоятельный грамматический класс. Эволюционные процессы в области причастий и деепричастий относятся к числу тех языковых изменений, происходивших в XVIII веке и начале XIX, без которых не мог бы завершиться процесс формирования современного русского литературного языка.

2. Во всех приведенных предложениях действия, обозначенные деепричастием и глаголом-сказуемым, принадлежат одному и тому же лицу (или предмету) - субъекту действия. Только при наличии этого условия употребление деепричастия допустимо в современном литературном языке. Если деепричастие и предикативная форма глагола (сказуемое) обозначают действия разных лиц, употребление деепричастия необычно и не соответствует современным нормам.

3. Деепричастия (обычно несовершенного вида), ставшие наречиями, выполняют роль обстоятельства и характеризуют действие с качественной стороны. Однако резко выраженное активное отношение к объекту, даже непрямому, яркие видовые оттенки или залоговые значения стоят как препятствия на пути адвербиализации деепричастий. Различие между

добавочным действием и обстоятельством наблюдается в таких случаях:

Во-первых, отдельные случаи, когда употребляемое без пояснительных слов деепричастие переходит в наречие: *Художник рисовал стоя*, здесь *стоя* не обозначает второго действия, а только детализирует значение глагола *рисовал*, указывая, в какой позе проходило рисование; наоборот, в фразе: *Художник рисовал, стоя за мольбертом* *стоя* обозначает второе действие, подчиненное первому.

Во-вторых, сюда относится ряд идиоматических выражений: *сложив руки, высуня язык, спустя рукава, немного погодя, очертя голову, сломя голову. Не сиди сложив руки* значит только: "Не сиди без дела", здесь ничего не говорится о положении рук, а *Не сиди, сложив руки* уже указывает, что действительно руки сложены и что это положение рук следует изменить.

В-третьих, наряду с деепричастиями имеются наречия на *-ючи, -учи*: *играючи, припеваючи, умеючи, крадучись*: *Он играючи переносил тяжелые тюки* (легко, без усилий); *Живет припеваючи* (без забот) и *Плясал, припевая вполголоса какой-то мотив*.

Таким образом, деепричастия, как показывает наш анализ, возникли из кратких действительных причастий, которые подверглись адвербиализации, выступая в роли одного из однородных сказуемых наряду со спрягаемой формой глагола. Факт образования деепричастий на базе причастий квалифицируется как семантическое словообразование так же, как и позднейшее возникновение наречий, предлогов и союзов на основе деепричастий.

2. Анализ и функций деепричастий несовершенного и совершенного видов в языке русской художественной литературы XIX-XX вв.

2.1 Формы и синтаксические функции деепричастий в русском языке

По грамматическим законам языка атрибутивные формы могут быть образованы от любого глагола. Однако эта возможность не реализуется с той регулярностью и формальным единообразием, так по мнению А. А. Шахматова «Обычно деепричастие образуется только от тех основ наст. вр., которые звуковой стороной своей не отличаются существенно от основы инфинитива» [Шахматов 1941, с. 199-200].

Характеризуя способы образования деепричастий в современном русском литературном языке, «Русская грамматика» (1980) выделяет следующие основные суффиксы: для несовершенного вида – *-а/-я*, для совершенного вида – *-в/-вши/-ши*.

В образованиях от основ несовершенного вида господствует форма на *-а, -я*. Она соотносится с формами настоящего времени, именно с формой 3-го лица множественного числа. После шипящих употребляется суффикс *-а*, в остальных случаях — *-я*: *нести — несут — неся; читать — читают — читая; лежать — лежат — лёжа; кричать — кричат — крича; смеяться — смеются — смеясь*).

К числу исключений следует отнести:

1) От глаголов с основами *-знавать, -давать, -ставать* (*сознавать, придавать* и др.) деепричастия несовершенного вида образуются от основы инфинитива: *давать — давая; узнавать — узнавая; вставать — вставая; выдавать — выдавая; признавать — признавая; придавать — придавая; сознавать — сознавая* и т.д.;

2) У глагола *быть* деепричастие образуется с помощью суффикса *-учи*: *будут – будучи*. С этим же суффиксом образуются деепричастия некоторых других глаголов, имеющие разговорную или просторечную окраску: *идут – идучи, едут – едучи, жалеют – жалеючи, играют – играючи, умеют – умеючи*, фразеологически ограниченное *припеваючи (жить припеваючи)*. Деепричастия с суффиксом *-учи (-ючи)* (кроме *будучи*) употребляются преимущественно в наречном значении.

На протяжении всего столетия происходили изменения в функционировании деепричастий с суффиксом *-учи (-ючи)*, синонимичных форм на *-а (-я)*. В русском литературном языке XIX века, вопреки предписаниям нормативных грамматик, формы на *-учи* были достаточно распространены, что отчасти могло быть вызвано тем, что для их образования почти не было фонетических ограничений. А в современном русском литературном языке очень редко употребляются деепричастия с суффиксом *-учи (-ючи)*. Они, как правило, являются стилистически маркированными. Среди деепричастий с суффиксом *-учи* особое место занимают образования *идучи* и *едучи*, для которых было характерно длительное стилистически немаркированное употребление, причем для глагола *ехать* – это единственная возможная форма деепричастия.

Не образуются деепричастия несовершенного вида:

1) от глаголов с односложной основой на *-а-* в инфинитиве, образующие настоящее время без этого *-а-* (например: *брать – берут, звать – зовут, ждать – ждут, лгать – лгут, врать – врут, ткать – ткут, дерать – дерут* и производные от них) за исключением глагола *мчаться*, образующего деепричастия *мчась*;

2) от основ, имеющих в инфинитиве конечные з, с, х, ст а в форме настоящего времени оканчивающихся на шипящие: мазать — мажут, писать — пишут, хлестать — хлещут, пахать — пашут, вязать — вяжут, казаться — кажутся, плясать — пляшут, тесать — тешут, лизать — лижут, резать — режут и др.;

3) от глаголов с односложной основой инфинитива на -а-, чередующееся с носовыми согласными в форме настоящего времени (вроде *мять* — *мнут*, *жсать* — *жнут*, и т.п., и производные от них);

4) от глаголов с односложной основой на -и- (*пить* — *пьют*, *лить* — *льют*, *бить* — *бьют*, *вить* — *вьют*, *шить* — *шьют* и т.п., и производные от них).
Формы *бия*, *лия* — старые;

5) от глаголов с инфинитивом на -чь и с основами настоящего на -к-, -г- (*беречь* — *берег-ут*, *мочь* — *мог-ут*, *стеречь* — *стерег-ут*, *стричь* — *стригут*, *течь* — *тек-ут*, *жечь* — *жг-ут*, *печь* — *пек-ут*, *толочь* — *толк-ут* и т. п.). В просторечии отмечаются деепричастия глаголов с основой на |к|, |г| с чередованием |к – к'|, |г – г'|: *берегут – берегя*, *стерегут – стерегя*, *пекут – пекая*. Такие формы являются отступлением от нормы и в письменной речи не допускаются;

6) от глаголов с суффиксом -ну- (*мок-ну-ть*, *сох-ну-ть*, *кис-ну-ть*, *гиб-ну-ть*, *вя-ну-ть*, *вяз-ну-ть*, *вис-ну-ть*, *зяб-ну-ть*, *мерз-ну-ть*, *слеп-ну-ть*, *глох-ну-ть* и т.п.), за исключением глагола *тянуть*, образующего деепричастия *тяня*;

7) от глаголов с основами инфинитива на -ере- и -оло- (*мереть*, *тереть*, *переть*, *молоть*, *колоть* и т. п.);

8) от глаголов с основой настоящего времени на сочетание губной согласной с л': *сыпать* — *сыпл-ют*, *щипать* — *щипл-ют*;

9) от глаголов *бежать*, *гнить*, *лезть*, *петь*, *ковать*, *плевать* (редко: *гния*);

Акад. С. П. Обнорский считал на свой слух «вполне возможными деепричастия *рвя*, *пекая*, *стригя*, *мня*, *жня* и т. п.» [Известия..., 1916, с. 334].

Однако, некоторые глаголы несовершенного вида (преимущественно при употреблении с отрицанием) образуют деепричастие так же, как и глаголы совершенного вида, т.е. присоединением суф. -в/-вши к основе прошедшего времени: *(не) быв и (не) бывши*, *(не) зная и (не) знаяши*, *(не) ея и (не) еяши*, *(не) имея и (не) имеяши*. Так, возникают ряды вариантных форм: *будучи* — *быв* — *бывши*; *зная* — *зная* — *знаяши*; *имея* — *имев* — *имеяши*; *ехав* — *ехавши* — *едучи*; *ея* — *еяши* (у двух последних глаголов, так же как и у глагола *быть*, форма деепричастия с суффиксом -а не образуется). Вариантные формы на -вши у деепричастия несовершенного вида мало употребительны. Основными здесь являются формы на -а, образованные от основ настоящего времени: *(не) зная*, *(не) имея*.

У писателей XIX века встречались такие деепричастия несовершенного вида с суффиксами -в, -ши, -вши. Такого рода синтаксическое употребление, как в басенном языке Крылова: «Волк, **еяши**, никогда костей не разбирает», отклонялось от литературной нормы в сторону областного просторечия.

Деепричастия совершенного вида образуются от основы прошедшего времени глаголов совершенного вида с помощью суффиксов -в, реже на -вши от основ совершенного вида, оканчивающихся в инфинитиве на гласный: *прочитав*, *отказав*, *назвав*, *нарисовав*, *проиграв*, *толкнув*, *накричав*, *дав* и т.п., от тех же глаголов может быть образовано деепричастие с суффиксом -

вши: прочитавши, давши, проигравши, нарисовавши, накричавши, толкнувши и т.д. без каких-либо особенностей в значении, в связи с чем формы с *-вши* как более сложный дублет почти не употребляются. Такие формы на *-вши* — просторечные или разговорные. Но вариант на *-вши* является обязательным для образования деепричастия от возвратных глаголов: *возвратиться — возвратившись, засмеяться — засмеявшись*. Глаголы на *-уться, -оться, аться, -еться (-тяться), -иться* оканчиваются обыкновенно на *-увшись, -овшись, -авшись, -евшись (-твьшись), -ившись*: *уткнувшись, проснувшись, отколовшись, поднявшись, заперевшись, видевшись, устремившись, простившись*.

От основ совершенного вида, оканчивающихся в инфинитиве на согласный образуется деепричастие с помощью суффикса *-ши*: *истекиши, принесши, привезши, отнёсши, высекиши, остригиши, вытерши, отвезши, расцветиши* и т.п.

Однако от этого основного правила наблюдаются следующие отступления:

1) Если основа инфинитива и основа прошедшего времени различны, то возможны две формы деепричастия совершенного вида. К таким глаголам относятся некоторые глаголы на *-ну-*, которые образуют деепричастие совершенного вида и от основы неопределённой формы посредством суффикса *-в-*, и от основы прошедшего времени посредством суффикса *-ши-*, при условии, если в основе прошедшего времени отсутствует *-ну-*: *озябну-ть — озябну-в и озяб — озяб-ши; засохнуть — засохну-в и засох — засох-ши; ослепну-ть — ослепну-в и ослеп — ослеп-ши; высохну-ть — высохну-в и высох — высох-ши*. Но только *исчезнуть — исчезнув и исчезнувши (не исчезши)*. К таким деепричастиям относятся также глаголы на *ереть*: *умереть — умерев и умер — умерши; запретить — запрев и запер —*

запериши; растереть — растерев и растер — растериши; простереть — простерев и простер — простериши и др.

Иногда глаголы совершенного вида образуют деепричастия при помощи суффиксов *-а (-я)* от основы будущего простого времени. Обычно эти формы употребляются как варианты форм на *-в, -вши, -ши*. К таким глаголам относится значительное число глаголов 2-го спряжения, а также глаголы 1-го спряжения с основой простого будущего времени на согласную (кроме основ на *-з-, -к-* и основ с суффиксом *-ну-*): *прочесть — прочтут — прочтя; подмести — подметут — подмета; услышать — услышат — услыша (услышав, услышавши); увидеть — увидят — увидя (увидев, увидевши)*. Сюда относятся многие глаголы движения: *привести — приведут — приведя (приведши); унести — унесут — унеся; привезти — привезут — привезя, прийти — придут — придя; пройти — пройдут — пройдя*, и др. Кроме того, деепричастия на *-ясь* производятся от глаголов совершенного вида, оканчивающихся на *-иться*: *устремясь, проститься — простятся — простясь (простившись), возвратиться — возвратятся — возвратясь (возвратившись); встретиться — встретятся — встретясь (встретившись)* и т.п. Формы с *-а (-я)* шире употреблялись в XIX веке, но они нередки и в настоящее время. Они часто встречаются во фразеологических оборотах: *заломя шапку, повеся нос, положя руку на сердце, сложя руки* и др.

Отношения синонимии (или варьирования) форм находятся в постоянном развитии и на современном этапе истории русского языка. Об этом свидетельствует и неоднозначная оценка синонимичных образований в разных грамматических руководствах, относящихся к одному и тому же периоду.

В современных исследованиях представлены разные мнения относительно синтаксической функции деепричастий. Различие их сводится

в основном к числу и характеру функций, выполняемых деепричастием в предложении и связано с их морфологической гибридностью. Одни лингвисты считают, что в предложении деепричастия функционируют в качестве обстоятельства (времени, причины, уступки, условия, образа действия и т.д.). Эта точка зрения отражена в определении синтаксической функции деепричастий А.Н. Гвоздевым: «Деепричастия служат разными видами обстоятельств (времени, образа действия, причины, условия)» [Гвоздев, 1958, с. 387]. Другие исследователи обращают внимание только на семантико-грамматическую связь деепричастия с действием подлежащего, т.е. учитывая глагольные признаки деепричастия — категорию вида, способность выражать временное значение (наличие возвратных и невозвратных форм и сохранение синтаксических связей глагола, от которого деепричастие образовано), определяют синтаксическую функцию деепричастия как функцию второстепенного, сопровождающего действия. Эта функция обозначается как функция "второстепенного сказуемого". Термин "второстепенное сказуемое" был введен А.А. Потебней для обозначения синтаксической функции бывших нечленных причастий, которые превращаются в деепричастия [Потебня, 1958, с.185]. Акад А.А. Шахматов употребляет этот же термин для обозначения подобной синтаксической функции деепричастия в предложении в современном русском языке. Как известно, А. А. Шахматов отнес все деепричастия, кроме адвербиализовавшихся, к второстепенным сказуемым [Шахматов, 1941, с. 471]. В настоящее время термин "второстепенное сказуемое" употребляют многие лингвисты, обозначая им добавочное действие подлежащего. Важная структурная особенность предложений с деепричастиями —закрепленность общего для обоих предикатов подлежащего в главной клаузе. В текстах XVIII – начала XIX вв. подлежащее встречается как в главной клаузе, так и внутри зависимой (ср. пример из грамматики М. В. Ломоносова [Ломоносов, 1757]: *написав я грамотку, посылаю за море*). В современном русском языке

подлежащее не может находиться внутри зависимой клаузы, однако внутри неё могут присутствовать единицы, кореферентные подлежащему главной клаузы. Их отмечали в своих работах В. М. Савина (1989) и Я. Г. Тестелеца (2001). В русском языке существуют такие местоименные и количественные определители, как *весь, сам, каждый, оба, один, первый* (очень ограниченная группа). Они могут входить в деепричастный оборот, но при этом согласовываться с подлежащим. В этом случае они «выступают как бы его полномочными представителями» [Савин, 1989, с. 103]. Я. Г. Тестелец использует по отношению к ним термин «плавающие определители» и отмечает, что они могут находиться в деепричастных, инфинитивных и других синтаксических оборотах:

*«Старик шептал, **разговаривая** сам с собой: — Какой нелепый, неосмысленный мир!»* [Ю. Трифонов. Дом на набережной (1976)];

*«Всю ширь располосовали прямые молнии, каждая **указывая** только свой путь: они тоже мчались, уже под ногами»* [О. Павлов. Повесть последних дней (2001)].

В зависимости от того, в какой функции выступают деепричастия – второстепенного сказуемого или обстоятельства – выделяются два способа замены деепричастий и деепричастных оборотов:

1) Деепричастие в функции второстепенного сказуемого может быть заменено спрягаемой формой глагола, входящей в простое предложение в качестве "однородного сказуемого", такое деепричастие выражает значения сопутствующего (1) одновременного (2), предшествующего и (3) последующего действия по отношению к действию глагола-сказуемого:

*«**Открыв** калитку, я вошёл во двор, стукнул раз-другой в дощатую стену»* [Тендряков, 1979, с. 605].

«**Отбросив** папиросу, я встал навстречу Наташе» [Паустовский, 1958, с. 89]. В этих примерах деепричастия и деепричастные обороты легко заменяются спрягаемыми формами глагола. Так в первом примере форму *открыв* можно заменить *открыл* и получается последовательные формы: *я открыл калитку и вошёл во двор, стукнул раз-другой в дощатую стену*. Во втором примере форму *отбросив* можно заменить формой *отбросил* и получается последовательные формы: *я отбросил папиросу и встал навстречу Наташе*.

2) Деепричастия в обстоятельственной функции также могут быть заменены синонимичными конструкциями, однако их синонимические соответствия неоднородны, поскольку деепричастия и деепричастные обороты могут выражать разные виды обстоятельственных значений (времени, образа действия, причины, цели и условия и уступки) и часто их значение можно прояснить с помощью преобразования деепричастного оборота в придаточное предложение:

1. Деепричастные конструкции со значением времени и придаточные предложения времени

При замене деепричастной конструкции соответствующим придаточным предложением (придаточной частью) в состав придаточной части вводятся союз и подлежащее, деепричастие заменяется спрягаемой формой глагола-сказуемого. Придаточная часть обычно соединяется с главной частью при помощи союза "*когда*". Союз "*когда*" является недифференцированным союзом временных отношений, стилистически нейтральным и указывает лишь на факт совпадения двух действий по времени, не принимая участия в уточнении того, протекают ли эти действия в одно и то же время или следуют одно за другим.

Деепричастные обороты, являющиеся синонимами придаточных предложений времени, занимают в языке большое место. Действие деепричастной конструкции со значением времени может совпадать с основным действием или предшествовать ему:

«Узнав, что я намерен пробыть на Сахалине несколько месяцев, генерал предупредил меня, что жить здесь тяжело и скучно» [Чехов, 1985, с. 58].

- *Когда генерал узнал, что я намерен пробыть на Сахалине несколько месяцев, предупредил меня, что жить здесь тяжело и скучно.*

«Как-то, вернувшись, я не застал её дома, долго ждал» [Тендряков, 1979, с. 568].

- *Как-то, когда я вернулся, я не застал её дома, долго ждал.*

«Узнав, что я еду в Кара-Бугаз, Прокофьев оживился, встал и заходил по комнате из угла в угол» [Паустовский, 1958, с. 452].

- *Когда Прокофьев узнал, что я еду в Кара-Бугаз оживился, он встал и заходил по комнате из угла в угол.*

2. Деепричастные конструкции со значением причины и придаточные предложения причины

Причинные отношения выражают связь двух таких явлений, одно из которых служит основанием для реализации другого. В русском языке деепричастные конструкции со значением причины имеют широкое распространение. Причинные значения деепричастных конструкций могут быть переданы в русском языке причинными придаточными предложениями с соответствующими союзами *"потому что, так как"*. Такие союзы являются нейтральными союзами. Они указывают на причину в общем виде и могут

употребляться как в сфере бытового общения, так и в сфере официально-делового и научного общения. При замене деепричастной конструкции со значением причины соответствующими придаточными частями в состав придаточной части вводятся союз и подлежащее, деепричастие заменяется глаголом-сказуемым. Например:

*«В Керчи многие сошли, **испугавшись** близкого шторма»* [Паустовский, 1958, с. 326].

*- В Керчи многие сошли, **потому что** испугались близкого шторма.*

*«**Боясь** с кем-либо встретиться, Саша выскочил на крыльцо»* [Тендряков, 1979, с. 35].

*- Саша выскочил на крыльцо, **потому что** боялся с кем-либо встретиться.*

*«Наша спутница, жена моряка-офицера, бежала из Владивостока, **испугавшись** холеры, и теперь, немного успокоившись, возвращалась назад»* [Чехов, 1985, с. 174].

*- Наша спутница, жена моряка-офицера, бежала из Владивостока, **потому что** испугалась холеры, и теперь, немного успокоившись, возвращалась назад.*

*«**Не найдя** приюта, я под вечер решил отправиться на «Байкал»* [Чехов, 1985, с. 41].

*- Я под вечер решил отправиться на «Байкал», **потому что** я не нашёл приюта.*

*«Жена Невельского, Екатерина Ивановна, когда ехала из России к мужу, сделала верхом 1100 верст в 23 дня, **будучи** больною, по топким болотам и диким гористым тайгам и ледникам охотского тракта» [Чехов, 1985, с. 464].*

*- Жена Невельского, Екатерина Ивановна, когда ехала из России к мужу, сделала верхом 1100 верст в 23 дня, **потому что** она была больною, по топким болотам и диким гористым тайгам и ледникам охотского тракта.*

*«Из приказов мы узнаем, что один старший надзиратель из рядовых, **будучи** дежурным в тюрьме, позволил себе пойти в женский барак через окно» [Чехов, 1985, с. 304].*

*- Из приказов мы узнаем, что один старший надзиратель из рядовых позволил себе пойти в женский барак через окно, **потому что** он был дежурным в тюрьме.*

Приведенные выше примеры показывают, что в деепричастных конструкциях со значением причины употребляются как деепричастия СВ, так и деепричастия НСВ, которые сочетаются с глаголами обоих видов: В деепричастных конструкциях со значением причины может входить отрицание, стоящее перед деепричастием «деепричастия с отрицанием в начале предложения в сочетании с совершенном видом имеют иногда значение обстоятельства причины» [Абид, 2005, с. 74]. Причинное значение может быть выражено конструкцией с "*будучи*".

3. Деепричастные конструкции со значением условия и придаточные предложения условия

При замене обычно используются придаточные условные предложения с союзом "если". Союз "если" является нейтральным и недифференцированным союзом.

Условные отношения представляют собой такой вид связи, при которой возможность наличия одного события (явления, действия) определяет возможность возникновения другого события (явления, действия). Деепричастные конструкции со значением условия могут быть выражены деепричастиями как НСВ, так и СВ. Отмечается, что деепричастные конструкции с условным значением по степени употребительности менее распространены, чем деепричастные конструкции со значениями времени и причины [Биалиева, 1968, с. 112]., например:

«Слушая их отборную ругань, можно подумать, что не только у моего возницы, у лошадей и у них самих, но и у воды, у паромы и у весел есть матери» [Чехов, 1985, с.7-8].

- Если мы слушаем их отборную ругань, можно подумать, что не только у моего возницы, у лошадей и у них самих, но и у воды, у паромы и у весел есть матери.

Наиболее ясно реальное условие выражается в сложноподчиненных предложениях. Условные придаточные предложения в свою очередь могут быть заменены деепричастными конструкциями со значением условия. Например: Если (бабушка) говорит о печальном или страшном, то качается сильнее... (М. Горький. Детство, с. 123). Говоря о печальном или страшном, то она качается сильнее...

4. Деепричастные конструкции со значением уступки и придаточные предложения уступки

В современном русском языке менее употребительны деепричастия со значением уступки [Грамматика-60, т. II, часть 1, с. 653]. Деепричастные конструкции со значением уступки обычно занимает начальное место в предложении и выражает информацию, противоположную тому, что обозначает сказуемое:

«Несмотря на все 60 работников, они не могли более притянуть невод к берегу...» [Чехов, 1985, с. 278].

- *Хотя было 60 работников, но они не могли более притянуть невод к берегу...*

5. Деепричастные конструкции со значением образа действия:

«Левшин молчал, сгорбившись» [Паустовский, 1958, с. 265].

«Заседатель вернулся к столу, сел и сказал, улыбаясь...» [Чехов, 1985, с. 55].

«А в стороне, как воробей во время дождя, сидел, не двигаясь, нахохлившийся Степан Артемович» [Тендряков, 1979, с. 441].

6. Деепричастные конструкции со значением цели:

Что касается деепричастий со значением цели, то обычно авторы учебников, учебных пособий по русскому языку и ряда специальных работ не отмечают целевого значения деепричастия. Подобное значение деепричастия не упоминается ни в грамматике-70, ни в грамматике-80. Правда в грамматике-60 указывается, что в современном русском языке редко употребляются выраженные деепричастиями обособленные обстоятельства со значением цели, но не приводится примеров.

Таким образом, некоторые исследователи утверждают, что деепричастия не способны выражать целевое значение, другие считают, что деепричастия могут обозначать обстоятельство цели.

Грамматист В .С. Белова, рассматривая выражение обстоятельственного значения цели в предложениях с деепричастными оборотами, справедливо приходит к выводу о том, что при замене деепричастного оборота со значением цели придаточным предложением приходится исключать деепричастие, так как оно не заменяется ни финитной формой глагола, ни причастием [Белова, 1958, с. 29-31]. При замене деепричастного оборота с целевым значением придаточным предложением, деепричастие опускается. Например:

*«Мы хотим держаться подальше от насыпи и едем по опушке, **стараясь** найти окольный путь»* [Чехов, 1985, с.52].

*- Мы хотим держаться подальше от насыпи и едем по опушке, **чтобы** найти окольный путь.*

*«Я стоял на паперти и всматривался в лица женщин, смутно **надеясь** увидеть Наташу»* [Паустовский, 1958, с. 172].

*- Я стоял на паперти и всматривался в лица женщин, **чтобы** увидеть Наташу.*

*«— Ты прав, — согласился Василий Тихонович, **стараясь** спрятать беспокойный, тревожный блеск в глазах»* [Тендряков, 1979, с. 389].

*— Ты прав, — согласился Василий Тихонович, **чтобы** спрятать беспокойный, тревожный блеск в глазах.*

Деепричастия в роли обстоятельств времени, причины, условия, за исключением случаев, когда деепричастие обозначает состояние или признак действия, могут быть синонимичны однородным сказуемым. Некоторые исследователи отмечают возможность замены таких деепричастий и отглагольным существительным с предлогом, в результате чего образуется синтаксический ряд, включающий деепричастие (деепричастный оборот), придаточное предложение и предложный оборот:

«Встречаясь с нами, цыганки смотрели зазывающими глазами и бренчали монистами» [Паустовский, 1958, с. 33].

- *Когда цыганки встречались с нами, смотрели зазывающими глазами и бренчали монистами, .*

- *При встрече с нами, цыганки смотрели зазывающими глазами и бренчали монистами.*

«Отвечая на главный пункт вопроса, касающийся удешевления порций, они предложили свои собственные табели, которые, однако, обещали совсем не те сбережения, каких хотело тюремное ведомство» [Чехов, 1985, с. 289].

- *При ответе на главный пункт вопроса, касающийся удешевления порций, они предложили свои собственные табели, которые, однако, обещали совсем не те сбережения, каких хотело тюремное ведомство.*

«Но с недавнего времени, изучая дневники свои и думая о смертоносных водах залива, я пришел в сомнение, ибо в натуре, нас окружающей, почти нет такого зла, коего нельзя было бы употребить на потребу и выгоду человека» [Паустовский, 1958, с. 419].

- *Но с недавнего времени, при изучении дневники свои и думая о смертоносных водах залива, я пришел в сомнение, ибо в натуре, нас*

окружающей, почти нет такого зла, коего нельзя было бы употребить на потребу и выгоду человека.

Современные грамматики русского языка рассматривают деепричастные обороты в свете теории обособленных членов предложения. Под обособлением понимается «интонационное выделение такого распространяющего члена предложения, который по смыслу относится не только к тому члену предложения, от которого он зависит грамматически, но ещё и к какому-нибудь другому его члену». В основу обособления заложены прежде всего интонационные характеристики и порядок слов, определяющие его смысловое выделение в предложении.

Деепричастный оборот обособляется обычно независимо от позиции в предложении, как перед сказуемым, к которому он примыкает, так и после него. Главным условием обособления является сама форма деепричастия. Обособляются одиночные деепричастия, являющиеся однородными членами (между двумя деепричастными оборотами, соединёнными одиночным союзом *и*, запятая не ставится): «*Старик, **кряхтя и охая**, поднимается с земли; первые две тройки возвращаются, подъезжает еще четвертая тройка, потом пятая...*» [Чехов, 1985, с. 9].

Обязательно обособляются по правилам русской пунктуации только обстоятельства уступки с предлогом *несмотря на*, кроме случая, когда такое обстоятельство постпозитивно и тесно примыкает к сказуемому: *Поехал **несмотря на дождь**.*

Не обособляются следующие деепричастия:

1) Одиночные деепричастия, которые употребляются в значении наречия образа действия в постпозиции к глаголу-сказуемому. Такое обстоятельство обычно является смысловым центром высказывания и приближается к

наречию: *Айно никогда не умываются, ложатся спать **не раздеваясь*** [Чехов, 1985, с. 214];

2) Деепричастные обороты, которые являются идиоматическими выражениями: *Бежал **сломя голову**, работали **спустя рукава*** и др.;

3) Деепричастие или деепричастный оборот, если они находятся в сочиненном ряду с необособленным обстоятельством: *Шел быстро и **не оглядываясь***.

2.2 Стилистическая характеристика деепричастий в русском языке

Деепричастие распространено в основном в книжной речи (как в поэзии, так и в прозе) и не характерно для бытовой разговорной речи и часто служит для «возвышения» стиля. А. С. Пушкин сам часто употреблял деепричастия для придания речи высокого, торжественного звучания. Со стилистической точки зрения употребление деепричастных оборотов определяется такими моментами, как стремление к краткости и компактности выражения мысли, к разнообразию в построении предложения.

Деепричастия придают речи книжный характер, что как раз и является отличительной чертой научного стиля. Логичность, аргументированность и при этом четкость, лаконичность – все это признаки научного стиля речи. И деепричастия в нём помогают добиться краткости, сжатости высказывания:

*«**Предполагая**, что с каждой точкой плоскости связано некоторое число, которое будем называть массой»* [Математика, 7класс. Неравенство. с. 9].

Употребление этих форм и оборотов позволяет в пределах одного предложения указать свойства предмета, выразить различные отношения между описываемыми действиями и процессами – например, отношения одновременности, следования, способа и характера действия, условия,

причины и т.п., например: «**Вычисляя** силу тока, применяют следующую формулу». (отношение одновременности: применяют во время вычислений).

К тому же употребление деепричастий ведет к построению логичной последовательной цепочки действий, с помощью которой можно проследить какое из действий является главным, в какой последовательности выполнялись действия: «*В 1538 году 19 летний студент Галилео Галилей, **наблюдая** за колебанием люстры в соборе, заметил, что промежуток времени, в течение которого происходит одно колебание, почти не зависит от размаха колебаний*» [Физика, учебник теория 7 класс. с. 17]. То есть можно установить порядок действий: сначала *наблюдал*, а потом *заметил*, но при этом глагол *заметил* является ключевым.

Так же можно отметить тот факт, что в научном стиле речи употребляются в основном деепричастия несовершенного вида с суффиксами *-а, -я* : « **Измеряя** физическую величину нужно найти и вес» [Физика, учебник теория 7 класс. с. 25]. Это придает высказыванию вневременной характер, как бы показывая, что совершаемое действие статично, т.е. устойчиво, и не относится к определенному отрезку времени.

Если же рассматривать выводы, заключения, решения, которые тоже характерны для научного стиля, то можно отметить широкое употребление здесь деепричастий совершенного вида с суффиксом *-в*: « *Русский математик Н. И. Лобачевский и независимо от него венгерский математик Л. Бойли показали что, **приняв** за аксиому противоположное утверждение, можно построить другую, столь же правильную «Не Евклидову геометрию»* [Справочник школьника нового типа: Раздел геометрия, с.145].

Эта форма наоборот показывает, что действие, обозначаемое деепричастием, происходит раньше, чем действие основного глагола-

сказуемого: «**Прочитав** статью «Атомная и ядерная физика», вы сможете понять как атом пришел на службу человеку» [Справочник школьника нового типа: Раздел физика, с. 416]., «**Выбрав** для создания или изучения геометрий тот или иной учебник, необходимо строго следовать развертываемому в нем логическому курсу» [Справочник школьника нового типа: Раздел геометрия с.123]. И помогает придать высказыванию заключительный характер, сделать вывод, вывести решение «**Отметив** наиболее интересные факты, можно прийти к выводу...» [Справочник школьника нового типа: Раздел физика, с. 418].

Изучение произведений русских писателей показывает, что в процессе авторедактирования они порой вводят в текст деепричастия, выполняющие эстетическую функцию в речи. Например, известные строки М. Ю. Лермонтова из стихотворения «Выхожу один я на дорогу» претерпели такую стилистическую правку:

*День и ночь, чтоб голос мне отрадный
Про любовь, мне сладкий голос пел,
И чтоб дуб, зеленый и прохладный,
Надо мной склонялся и шумел.*

*Чтоб всю ночь, весь день мой слух лелея,
Про любовь, мне сладкий голос пел,
Надо мной чтоб вечно зеленея
Темный дуб склонялся и шумел. (1841)*

В первой редакции совсем не было деепричастий, но поэт изменил лексический состав строфы, вычеркнув ряд прилагательных и вставив эти выразительные глагольные формы.

Деепричастия, образно рисуящие действие, часто выполняют роль тропов. Как и наречия, они могут указывать на признак действия:

*Люблю грозу в начале мая,
Когда весенний, первый гром,
Как бы **резвяся и играя**,
Грохочет в небе голубом. (Ф.И. Тютчев)*

В поэтической речи деепричастия выполняют в основном роль ритмо- и рифмообразующего средства:

*Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные **крутя**;
То как зверь она завоет,
то заплачет как дитя.*

(А. С. Пушкин. Стихотворения "Зимний вечер")

Особа роль деепричастий при выполнении эстетической функции, они украшают глагол, придают ему отличительные признаки, дополняя основное действие. Например, у А. С. Пушкина:

*Зима!.. Крестьянин, **торжествуя**,
На дровнях обновляет путь;
Его лошадка, снег **почуя**,
Плетется рысью как-нибудь;
Бразды пушистые **взрывая**,
Летит кибитка **удалая**.*

В прозе часто употребление деепричастий в речи автора при создании портрета персонажа. Но портрет этот не описание внешности, а динамики, движений, мимики, жестов героя: « **Боясь** какой-нибудь знакомой встречи, она, казалось, не шла, а летела» (А. С. Пушкин «Барышня-крестьянка»).

*«Вокруг корта сидели, **поджав** ноги, казахи в широких ситцевых штанах розового цвета и одобрительно покрикивали при каждом ловком ударе»*[Паустовский, 1958, с. 485].

*«**Прячась** за кусты, **стараясь** не шуметь, **ступая** босыми ногами в холодную траву, я прошёл ближе к берегу, осторожно выглянул»* [Тендряков, 1979, с. 595].

Деепричастия в современном русском языке по стилистической окраске распадаются на две диаметрально противоположные группы: книжные формы с суффиксами *-а, -я, -в*: *дыша, зная, сказав* и разговорно-просторечные с суффиксами *-вши, -ши*: *сказавши, пришедши*.

В литературном языке XIX века использование деепричастий на *-вши, -ши* было стилистически не ограничено, мы находим их у писателей-классиков А. С. Пушкин, Н. М. Карамзин и у писателей XIX в., например у А. П. Чехова:

*«**Отбывши** срок, каторжная женщина перечисляется в поселенческое состояние и уже перестает получать кормовое и одежное довольствие»* [Чехов, 1985, с. 248].

*«**Прибывши** в долину 20 ноября, они немедленно стали строить себе бараки и землянки, чтоб укрыться от холода»* [Чехов, 1985, с. 206].

Однако с годами все больше проявляется стилистическое переосмысление этих вариантов деепричастий, и в наше время они используются как яркое стилистическое средство. Возродилась их былая народная и разговорно-просторечная окраска. Теперь они служат целям создания речевых масок людей из народа, из крестьянской среды. В то же время неверно было бы утверждать, что абсолютно все деепричастия на *-вши, -ши*,

-*ши* стилистически маркированы. Возвратные глаголы образуют нейтральные деепричастия: *закрасневшись, наплакавшись, оставшись, улыбнувшись* и др. Стилистически нейтральны и те немногие деепричастия невозвратных глаголов, которые без -*ши* не могут быть образованы: *выросши, легши, простерши, разжегши*.

Кроме того, в языке художественной литературы или в прозе, стилизующей народно-поэтическое творчество или областное просторечие, встречаются ещё формы деепричастий на -*учи, -ючи*. В современной художественной и публицистической речи такие образования имеют стилистически сниженный характер. Во всяком случае, употребление их всегда связано с своеобразными стилистическими оттенками (исключая наречия, в роде *умеючи, крадучись* и т.п.) [Виноградов, 1972, с. 310].

*По тесовым кровелькам играючи,
Тучки серые разгоняючи,
Заря алая подымается.*

(М. Лермонтов. Песня про купца Калашникова).

Старая форма деепричастия несовершенного вида с суффиксом -*учи* (-*ючи*) имеет разговорную или просторечную окраску и в современном литературном языке не употребляется. Она встречается в языке фольклора, в художественной литературе при ориентации на народную речь, сохранилась в устойчивых фразеологизированных сочетаниях. В современном литературном языке употребляется только форма *будучи* от глагола *быть*. Так, архаизовались деепричастия на -*учи* (-*ючи*), которые в пушкинскую эпоху ещё употреблялись, но воспринимались как элемент народно-поэтической речи: *идучи, стоячи, скакучи* и др. Можно отметить основные стилистические приемы их использования:

1) в прямой речи для создания речевых портретов персонажей: *Не возрадовался бы твой покойный отец, глядячи на тебя!* (М.Шолохов);

2) с целью архаизации языка или стилизации под народную речь: *Сидючи под иконами, скушал он просфорку божью и пальцем подозвал сподвижников своих, палачей Могучего и Глазова* (Пикуль);

3) для придания контексту иронического звучания: *Во-первых он удалил из Кабинета министров степашинского предшественника Вадима Густова, который, сидючи в «Белом доме» с кризисной осени, ничем себя не «запятнал» – ни хорошим, ни плохим* (Комсомол.правда, 1999).

Однако, например, деепричастие *едучи* встречается в стилистически нейтральных контекстах. Это деепричастие имеет значение "в процессе езды", "когда едешь" – данный смысл может быть выражен только деепричастием на *-учи*, т.к. немного искусственная форма *едя* является омографом деепричастия от глагола *есть* (принимать пищу), деепричастие *ехав* не встречается в Подкорпусе 1990 г. – 2010 г. ни разу, а выражать этот же смысл с помощью отглагольного существительного или отдельной предикативной единицы оказывается неудобным и, видимо, не экономичным с точки зрения использования языковых средств. Таким образом, деепричастие *едучи* оказывается вполне «живой» формой на данном языковом срезе.

Деепричастия, резко выделяющиеся своей стилистической окраской, в наше время привлекают внимание художников слова, которые высоко ценят употребительные глаголы на *-а*, *-я*, *-в*. Внимание стилиста привлекают и вариантыные формы деепричастий, образование и употребление которых требует комментария. Стилистические варианты деепричастий появляются в результате ненормативного образования форм на *-а*, *-я* от глаголов

совершенного вида, для которых нормой являются деепричастия с суффиксом -в: *увидев – увидя, заметив – заметя, оставив – оставя*. Грамматисты предостерегают против употребления суффикса -я не по назначению. Ещё Н. Греч писал: «...должно говорить и особенно писать: посадив, а не посадя; ...бросив, а не броса». Однако писатели отступали от этих правил: *Гирей сидел, потупя взор* (П.). Через сто и более лет возможность создавать подобные варианты не утрачена: *Живет, сцеля зубы* (Бл.); *Не устоя перед нашествием отскакивающего с воды солнца...* (Грин)

У деепричастий в возвратной форме совершенного вида суффикс -я не является нарушением нормы: *встретясь, притаясь, спохватясь, не спросясь*. То же следует сказать и о деепричастиях, закрепившихся в устойчивых сочетаниях: *сломя голову, положя руку на сердце, сложа руки, разиня рот* и др.

Необходимо, заметить, что деепричастия употребляются не только в приподнятом книжно-поэтическом или публицистическом стилях речи. В разговорной речи очень употребительны фразеологические обороты с деепричастиями: *развесив уши, сломя голову, спустя рукава, сложа руки, положя руку на сердце, не покладая рук, очертя голову* и др.

Итак, рассмотрев стилистическое применение деепричастий как неспрягаемая форма глагола, заметим, что их семантика, тонкие и экспрессивные оттенки, выразительные возможности раскрываются лишь при искусном использовании в речи, например:

И усевшись под сосной,

Кашу ест, сутулясь.

«Свой?» — бойцы между собой, —

«Свой?» — переглянулись.

*И уже, пригревшись, спал
Крепко полк усталый,
В первом взводе сон пропал,
Вопреки уставу.
Привалясь к стволу сосны,
Не щадя махорки,
На войне насчет войны
Вел беседу Теркин.*

(А. Твардовский «Василий Теркин»)

Здесь деепричастия использованы как очень емкая и выразительная форма глагола, помогающая коротко, наглядно описать действие, жест, поведение человека. Усиливающаяся роль деепричастия в процессе коммуникации, активное проникновение его в публицистику и в разговорную речь во многом обусловлено структурно-семантическим своеобразием деепричастия: оно обладает высокой морфологической емкостью, отличается многомерным, объёмным устройством синтаксических связей, определяющим многослойность его синтаксических отношений, позволяющих ему выразить разнообразные добавочные и сопутствующие действия-состояния, которые не могут быть обозначены спрягаемым глаголом, создавая тем самым смысловую перспективу высказывания.

2.3 Таксисные значения деепричастий современного русского языка

В деепричастии русского языка грамматическая категория времени отсутствует. Её место занимает грамматическое выражение таксиса. Своеобразие грамматического выражения таксиса заключается в использовании грамматической категории вида как средства выражения таксисных отношений.

Термин «Таксис» был введён Р.О. Якобсоном как «греческий прообраз» предложенного Л. Блумфилдом термина «порядок» (ordre). В русском языке у него есть такие синонимичные обозначения, как относительное время, временная соотнесенность и соотносительное употребление времен. Семантическая категория таксиса трактуется в современной лингвистике как временное отношение между действиями (в широком смысле, включая любые значения предикатов) в рамках целостного периода времени, охватывающего значения всех компонентов выражаемого в высказывании полупредикативного комплекса.

Конструкции с деепричастиями совершенного и несовершенного вида являются центральным компонентом таксиса. Как известно, таксис выступает в основном в трёх своих разновидностях. Действие, выраженное деепричастием, может быть одновременным с действием глагола, предшествовать действию глагола или быть последующим по отношению к действию глагола. Указанные таксисные значения выражаются деепричастиями и совершенного, и несовершенного вида.

Как правило, деепричастия несовершенного вида обозначают действия, совпадающие во времени с действием глагола на всем своём протяжении, как бы сопутствующие главному действию. По мнению Виноградова, «деепричастия на *-а*, *-я* от основ несовершенного вида не имеют форм времени, а выражают только видовые и залоговые значения. В русских грамматиках принято определять временное значение этих форм как значение относительное, как значение одновременности с временем главного действия, к которому примыкает форма деепричастия настоящего времени. В предложении же вневременность этой формы понимается как одновременность с главным действием» [Виноградов, 1972, с. 308]:

*«**Стоя** на мшистой паперти, я написал открытку Хатидже»*
[Паустовский, 1958, с. 165].

*«**Чертя** на песке, они объяснили ему, что земля, на которой они живут, есть остров и что остров этот отделяется от материка и Иессо (Японии) проливами»* [Чехов, 1985, с. 44].

*«Анна Егоровна, сестра Игната Гмызина, принимавшая экзамен, **слушая** Сашу, все время без причины поправляла свои сухие волосы, заполненные падавшим из окна солнцем»* [Тендряков, 1979, с.17].

*«**Описывая** свое житье-бытье, помню, три женичины принимались плакать»* [Чехов, 1985, с.118].

*«**Выходя** однажды из школы, я увидел Степана Артемовича»*
[Тендряков, 1979, с. 567].

*«**Прикрепляя** парус, взяли с собой два бочонка с водой, бутылку водки, немного жареной рыбы и пошли в море»* [Паустовский, 1958, с. 446].

Деепричастие может стоять позади определяемого глагола:

*«Так, по крайней мере, думал я, **стоя** на берегу широкого Енисея и с жадностью **глядя** на его воду, которая с страшной быстротой и силой мчится в суровый Ледовитый океан»* [Чехов, 1985, с. 33].

*«Я взял папку, **бросая** взгляд на открытую дверь Анной комнаты»*
[Тендряков, 1979, с.362].

В этих предложениях деепричастие обозначает добавочное действие, совершающееся одновременно с главным действием глагола-сказуемого. Одновременность событий может быть полной или частичной.

В случае полного совпадения в обеих частях употребляются глаголы несовершенного вида, например:

«Глядя на спокойное созвездие, я долго слушал приглушенные гулы Москвы, и любовь к ней сжала мое сердце» [Паустовский, 1958, с. 155].

«Записывая детей, я отличал законно - и незаконнорожденных, родных и приемных» [Чехов, 1985, с. 66].

Значение частичного совпадения во времени передаётся глаголами несовершенного вида в одной части и совершенного в другой, например:

«Стоя на мшистой паперти, я написал открытку Хатидже: Три месяца нет писем. Очевидно, они теряются по полевым конторам...» [Паустовский, 1958, с. 165].

«Как-то, гуляя в Александровске на пристани, я зашел в катерный сарай и увидел там старика 60 - 70 лет и старуху с узлами и с мешками, очевидно собравшихся в дорогу» [Чехов, 1985, с. 233].

Соотношение деепричастия несовершенного вида с глаголом совершенного вида может передавать сложное значение, сочетающее в себе оттенок одновременности, процесса и результата.

Деепричастия несовершенного вида, называющие повторные действия при глаголах-сказуемых с тем же значением, могут обозначать и предшествующие и последующие действия, например:

«Каждое утро, выходя на балкон, Берг вдыхал воздух, насыщенный за ночь озоном, и говорил:

— *Пахнет жизнью!*» [Паустовский, 1958, с. 253].(выходил, потом вдыхал)

*«По вечерам они бежали к Хатидже с черного хода – просили погадать по руке и тихо, чтобы не слышал дядька Спиридон, звали ее, **бросая** в окно камешки:*

– Хатидже, ханым Хатидже!» [Паустовский, 1958, с. 134]. (бросали, потом звали)

Обозначение последующего действия наблюдается тогда, когда деепричастие стоит после глагола:

*«Он пил торопливо, **разливая** воду по груди и по простыне»* [Паустовский, 1958, с. 53].

*«Широко шумел ветер, **разбрасывая** по столикам листья каштанов, уже тронутые ржавчиной»* [Паустовский, 1958, с. 25].

Деепричастия совершенного вида обозначают законченное добавочное действие, которое, как правило, совершается до начала действия, выраженного глаголом-сказуемым. Обозначение предшествующего действия обычно наблюдается тогда, когда деепричастие предшествует глаголу «В повествовании деепричастие совершенного вида обозначает побочное, подчиненное действие. Оно чаще всего имеет событийное, аористическое значение. Действие, выражаемое деепричастием совершенного вида может предшествовать основному действию, совпадать с ним или следовать за ним» [Абид, 2005, с. 72]. Хотя форма деепричастия является подчиненной по отношению к основному глаголу она безусловно имеет событийное значение и следовательно является аористом.

«Отбывши срок, каторжная женщина перечисляется в поселенческое состояние и уже перестает получать кормовое и одежное довольствие» [Чехов, 1985, с. 248].

*«Некий газетчик, **побыв** неделю в каракумских песках, писал о благотворительном действии пустыни на кожу и особенно на кости» [Паустовский, 1958, с. 418].*

*«**Пристав** к берегу, гребцы первым делом начинают браниться» [Чехов, 1985, с. 7].*

*«Степан Артемович, **склонив** на плечо голову, внимательно слушал, и его внимание подхлестывало моё красноречие» [Тендряков, 1979, с. 408].*

*«Игнат Гмызин, **отступив** в сторону, стал разглядывать собравшихся» [Тендряков, 1979, с. 8].*

*«Старушка, **повернувшись** лицом к могиле, перекрестилась» [Тендряков, 1979, с. 10].*

*«**Поселившись** недалеко от Дуйского поста, он стал заниматься огородничеством и хлебопашеством и, по словам г. Власова, отбывал тут каторжные уроки» [Чехов, 1985, с. 128].*

*«Рассказывают, что один вновь назначенный заседатель, **прибыв** в свой участок, согнал крестьян и приказал им копать по сторонам дороги канав» [Чехов, 1985, с. 32].*

*«**Скинув** ватник, с пылающим после мороза, после колючего ветра лицом, в вылинявшем, заштопанном на локтях свитере, размякший от комнатного тепла, от еды, от горячего чая, я сел за столом» [Тендряков, 1979, с. 422].*

*«Начальник острова, **получив** эти вещи, приглашает местных дам заняться распределением и раздачей подарков» [Чехов, 1985, с. 265].*

*«Аня перестала чуждаться. **Услышав** из-за стены мой голос, **приподняв** головку с подушки, она ждала меня, серые глаза выжидательно глядели с бледного узкого лица, худенькая рука лежала уже поверх одеяла, готовая протянуться ко мне» [Тендряков, 1979, с. 351].*

*«**Отбросив** папиросу, я встал навстречу Наташе» [Паустовский, 1958, с. 89].*

*«**Отдохнувши**, часов в пять пополудни мы пошли пешком назад в Воскресенское» [Чехов, 1985, с. 149].*

Все эти формы деепричастий совершенного вида обозначают, относительно прошедшее время со значением совершенного вида. По мнению В.В. Виноградова «Значение прошедшего времени совершенного вида, соотнесенного с формой времени определяемого глагола, чаще всего становится значением предшествования» [Виноградов, 1972, с. 311].

Однако далеко не всегда деепричастие совершенного вида обозначает действие предшествующее. «Категория преждевременности ассоциируется с представлением о результативности», — заметил А. А. Шахматов [Шахматов, 1941, с. 490]. В таких случаях действие, выраженное деепричастием, обозначает результат другого действия, выраженного глаголом-сказуемым. «Поэтому — при наличии благоприятных семантических условий — результативное значение деепричастия совершенного вида может превратиться в значение состояния, возникшего как результат осуществленного действия и в то же время сопровождающего другое действие (глагол-сказуемое) как обстоятельство способа или образа этого действия в известных синтаксико-стилистических условиях». В этих

случаях деепричастие обычно стоит позади глагола-сказуемого, хотя может стоять и впереди него» [Виноградов, 1972, с. 311]. Например:

*«Вокруг корта сидели, **поджав** ноги, казахи в широких ситцевых штанах розового цвета и одобрительно покрикивали при каждом ловком ударе»* [Паустовский, 1958, с. 485].

*«Бабушка сидит на печке, **свесив** ноги, стонет и охает»* [Чехов, 1985, с. 13].

*«Ну!» — говорит в конце концов командир, **махнув** рукой, и тоже заражается смехом»* [Чехов, 1985, с. 174].

*«А, мы два человека, обремененные будничными житейскими заботами, мы, привыкшие больше смотреть на то, что делается на земле, часто забывавшие о небе, стояли теперь, **задрав** головы, стояли и не шевелились»* [Тендряков, 1979, с. 609].

*«На борту парусника сидели, **свесив** ноги, босые загорелые матросы..»* [Паустовский, 1958, с. 639].

*«Толстяк смеялся, **поджав** круглые ноги, и умилял капитана»* [Паустовский, 1958, с. 341].

*«Девочка долго стояла, **растопырив** руки, смотрела испуганными глазами на опущенные уши Жулика и вдруг заплакала»* [Паустовский, 1958, с. 48].

*«Его не держали, ему сказали — иди. И надо бы повернуться, кинуть через плечо: «Прощайте...» Но Саша не двигался, **склонив** голову, уставившись в сапоги Игната»* [Тендряков, 1979, с. 37].

*«И ещё воспоминание... Саша в тесноватом пиджаке, в чистой рубашке, отглаженном пионерском галстуке сидит в пролетке на сене, **прислонившись** к теплему боку отца»* [Тендряков, 1979, с. 21].

*«Однажды, выйдя на рассвете прогуляться на бак, я увидел, как солдаты, женицины, дети, два китайца и арестанты в кандалах крепко спали, **прижавшись** друг к другу; их покрывала роса, и было прохладно»* [Чехов, 1985, с. 42].

*«Долговязая не по возрасту, в коротеньком платьице, с обожженными солнцем ногами и руками, худенькие икры покрыты царапинами, стоит, **опустив** голову, вставив льняную макушку»* [Тендряков, 1979, с. 585].

Наблюдается вторая серия конструкций, в которых деепричастие совершенного со значением одновременного действия-состояния выражает скорее признак основного действия, чем параллельное, хотя и второстепенное действие. Такие деепричастные конструкции приближаются к фразеологическим сочетаниям наречного типа. Синонимической конструкцией для многих из этих деепричастных оборотов была бы конструкция из страдательного причастия и существительного в творительном падеже с предлогом "с" для выражения сопровождающего обстоятельства или же конструкция из предикативного причастия при глаголе. Например:

*«Я поставил коня в сенцах, закрыл ставни в низеньком зале и лег на пол, **укрывшись** шинелью»* [Паустовский, 1958, с. 178].

*- Я поставил коня в сенцах, закрыл ставни в низеньком зале и лег на пол, **укрытый** шинелью.*

*«Меня знобило, я лежал на верхней полке, **укрывшись** пальто»*
[Паустовский, 1958, с. 95].

*-Меня знобило, я лежал на верхней полке, **укрытый** пальто.*

*«Алексей спит долго, **зарывшись** головой в подушку»* [Паустовский, 1958, с. 26].

*- Алексей спит долго, **зарытый** головой в подушку.*

*«Она ослабевает мало-помалу и уже не может сопротивляться течению и уходит в затоны или же стоит за карчей, **уткнувшись** мордой в берег»* [Чехов, 1985, с. 277].

*- Она ослабевает мало-помалу и уже не может сопротивляться течению и уходит в затоны или же стоит за карчей, **уткнутый** мордой в берег.*

Кроме этих случаев, наблюдается и другая серия конструкций, в которых деепричастие совершенного вида обозначает побочное одновременное действие, сплетенное с действием глагола-сказуемого. В этих случаях деепричастия также чаще ставятся позади глагола-сказуемого, выраженного формой совершенного вида, но могут стоять и впереди него:

*«Вечером накануне отъезда Валя ушла, ничего **не сказав**, и вернулась около полуночи»* [Паустовский, 1958, с. 275].

*«Как хороший врач-практик, которому скучно лечить неинтересную болезнь, он мельком и нехотя оглядел мой тарантас, коротко и ясно поставил диагноз, подумал и, ни слова **не сказав** мне, лениво поплелся по дороге, потом оглянулся и сказал ямщику:*

— *Что ж? Пожалуй, вези тарантас в кузницу»* [Чехов, 1985, с. 36].

*«Я глубоко убежден, что если бы я обронил в возке деньги, то нашедший их вольный ямщик возвратил бы мне их, **не заглянув** даже в бумажник»* [Чехов, 1985, с. 14].

*«Через минуту рабочие-мингрелы бежали из бараков к каналу, **накинув** на головы мешки»* [Паустовский, 1958, с. 582].

*«Сема шел по саду, **засунув** руки в карманы»* [Паустовский, 1958, с. 574].

*«Василий Тихонович сидит, **склонив** лицо к столу»* [Тендряков, 1979, с. 573].

*«Миссури сидела на стуле, **положив** лапы на стол, и плотоядно смотрела на ветчину»* [Паустовский, 1958, с. 402].

*«Павел скинул китель и в одной майке ходил по комнате, **заложив** руки за спину»* [Тендряков, 1979, с. 11].

*«Игнат в своей белой, трепещущей на ветру рубахе стоял, прочно **вдавлив** в сухую траву широко расставленные толстые ноги, **выставив** грудь и живот, курил, а ветер срывал с его губ слова и затяжки дыма»* [Тендряков, 1979, с. 39].

*«Василий Тихонович шагал, **вытянув** шею из просторного воротника пальто, подавшись всем телом вперед»* [Тендряков, 1979, с. 365].

В третьей группе деепричастных конструкций, необходимо подчеркнуть, что деепричастие совершенного вида, обычно выражающее предшествующее действие, находясь в постпозиции относительно основного глагола, может выражать не предшествующее, а последующее действие, являющееся

органическим следствием основного действия. Деепричастие в этих случаях обозначает следствие сопутствующее основному действию, выражает результат, осуществление которого обусловлено совершением основного действия. При этом намечается два разряда по значению:

1. Деепричастие обозначает следствие того действия, которое обозначено глаголом, например:

*«В Мало-Тымове бежал поселенец Кучеренко, **оставив** жену и детей»*
[Чехов, 1985, с. 251].

*«И сейчас, скинув свою шубу, **оставшись** в темно-синем свитере – не таком, какой на мне, затиранном, обвисшем, а новеньком, плотно обтягивающем довольно полные плечи, небольшие груди, талию, — она кажется мне моложе, чем была в последнюю нашу встречу»* [Тендряков, 1979, с. 422].

*«Крышка рояля отлетела, **обнажив** стальные порванные нервы»*
[Паустовский, 1958, с. 368].

*«По Верийскому спуску муши несли рояль, поскользнулись, и рояль грянул о землю, **наполнив** воздух громом и звоном»* [Паустовский, 1958, с. 368].

2. Деепричастие обозначает действие, которое быстро следует за действием глагола, но не вытекает из действия глагола, например:

*«Голос ее стал низким, грудным, Гарибальди бережно взял ее руку, поцеловал, опустил, как драгоценность, и засмеялся, **сморщив** свое старое доброе лицо»* [Паустовский, 1958, с. 58].

*«Желая блеснуть перед Красноводском, он выпросил у Прокофьева ботинки, **оставив** взамен рваные парусиновые сапоги, пропитанные смазочным маслом» [Паустовский, 1958, с. 452].*

*«Кроме того, этот тшедушный Сережа до болезненности тщеславен — он привык быть только первым. Сейчас его голубые глаза беспокойно бегают, узкое лицо бледно от волнения, однако стоит дерзко, **выставив** узкую, петушиную грудь» [Тендряков, 1979, с. 439].*

*«Я шел, **поотсав** шага на три, упираясь взглядом в затылок Степана Артемовича» [Тендряков, 1979, с. 444].*

2.4 Анализ форм деепричастий в языке русской художественной литературы XIX-XX вв.

Русские писатели в процессе редактирования намеренно добавляли в текст деепричастия для усиления детализации, придания строкам наглядности. Так, в рассказах А.П.Чехова, динамичных, живых, большую роль играет умелое, мастерское использование стилистических возможностей деепричастий и деепричастных оборотов, которые придают гибкость, энергию повествованию. Чехов в совершенстве владеет искусством слова, язык его рассказов – образец выразительности и вместе с тем лаконичности и отточенности. Однажды М.Горький написал Чехову: «Вы человек, которому достаточно одного слова для того, чтобы создать образ, и фразы, чтобы сотворить рассказ, дивный рассказ, который ввертывается в глубь и суть жизни, как бурав в землю». К. Г. Паустовский считается мастером слова. В его произведениях много описаний природы, рассуждений. Это отражается на стилистической манере писателя, на тех языковых средствах, которые он использует. А В.Ф. Тендряков в его

произведениях сконцентрировал подлинное богатство жизненных наблюдений, его опыт и его исследовательский взгляд на действительность.

В изученных нами текстах произведений, деепричастия активно употребляются как в произведениях А. П. Чехова, так и в произведениях К. Г. Паустовского и В.Ф. Тендрякова, но деепричастия несовершенного вида более употребительны, чем деепричастия совершенного вида. По форме они соответствуют нормам современного языка. Они употребляются в составе деепричастных оборотов и в одиночном употреблении. Однако употребление деепричастий в составе оборотов более частотно в данных произведениях, чем употребление одиночных деепричастий. Это свидетельствует о том, что деепричастные обороты стали неотъемлемой частью предложения, что они продолжают оставаться активным средством усложнения коммуникативной структуры предложения.

Деепричастия несовершенного вида представлены с суффиксом *-а/ -я*. Но в произведениях А.П. Чехова, отмечен один случай употребления деепричастия с суффиксом *-вши* от глагола НСВ: *«Чего? Ну, выиграет – и поест, а не выиграет - и так спать ляжет, **не евши**»* [Чехов, 1985, с. 143]. Данная конструкция не отвечает норме современного русского литературного языка. Учёные фиксируют её в языке художественной литературы XIX века).

В произведениях К. Паустовского и В.Тендрякова, не отмечено ни одного деепричастия от глаголов несовершенного вида с суффиксом *-в/ -вши / -ши*.

Таким образом, никаких отклонений от норм современного литературного языка нами не обнаружено. Итак, можно сказать, что с формальной стороны употребление деепричастий несовершенного вида в

таких произведениях отвечает норме современного русского литературного языка.

Деепричастия совершенного вида, употреблённые К. Паустовским и В. Тендряковым образованы с помощью суффиксов *-в*, *-вши*, *-ши* (*увидев, выпив, узнав, закрыв, выслушав, свернувшись, сбившись, взявшись, прислонившись, оперишись, заползши* и др.). Не представлено ни одного деепричастия, образующегося с помощью суффикса *-вши* от невозвратных глаголов. Деепричастия от глаголов СВ с суффиксом *-вши* образованы от возвратных глаголов, поэтому являются нормативными и не имеют сниженной стилистической маркированности. Суффиксы *-в* и *-вши* были наиболее частотными.

Таким образом, в произведениях К. Паустовского и В. Тендрякова, деепричастия НСВ, как СВ по форме почти полностью соответствуют нормам современного литературного языка.

В отличие от произведений Паустовского и Тендрякова, в произведениях Чехова отмечены ещё некоторые архаичные формы деепричастия совершенного вида, образованных при помощи суффикса *-вши*, которые в современном русском языке определяются как просторечные или разговорные.

Таким образом, яркой особенностью языка повестей Чехова является присутствие в ней формы с суффиксом *-вши* (21 раз) (*ставши, опьяневши, переночевавши, выставивши* и др.) которые уже в XIX веке были свойственны только живой народной речи. Это указывает на то, что в конце XIX века ещё не определены нормативные различия между письменной и устно-разговорной формами языка. Деепричастия на *-вши*, употреблялись особенно среди форм, образованных от глаголов I спряжения: *принявши*,

прбывши, ослабевши, опьяневши, переночевавши и др. И так, в произведениях А. Чехова, наблюдается несколько синонимичных образований (приняв – принявши; прибыв– прибывши, отбыв – отбывши):

*«Арестанты, работавшие на дороге между постом и Красным Яром без шапок и в мокрых от поту рубахах, когда я поравнялся с ними, неожиданно, **приняв** меня, вероятно, за чиновника, остановили моих лошадей и обратились ко мне с жалобой на то, что им выдают хлеб, которого нет возможности есть» [Чехов, 1985, с. 248].*

*«Несколько лет тому назад бывший смотритель тюрьмы, Л., **принявши** какое-то вьющееся растение за виноград, доложил генералу Гинце, что в Южном Сахалине есть виноград, который с успехом можно культивировать» [Чехов, 1985, с. 194].*

*«Рассказывают, что один вновь назначенный заседатель, **прибыв** в свой участок, согнал крестьян и приказал им копать по сторонам дороги канавы; его преемник, не желая уступать ему в оригинальности, согнал крестьян и приказал им зарывать канавы» [Чехов, 1985, с. 32].*

*«**Прибывши** в долину 20 ноября, они немедленно стали строить себе бараки и землянки, чтоб укрыться от холода» [Чехов, 1985, с. 206].*

*«**Отбыв** или, как сам он выражается, отслужив свой срок, он становится б4поселенцем» [Чехов, 1985, с. 64-65].*

*«**Отбывши** срок, каторжная женщина перечисляется в поселенческое состояние и уже перестает получать кормовое и одежное довольствие» [Чехов, 1985, с. 248].*

Подобные деепричастия использовали многие авторы XIX в., причем контекстуальные условия в большинстве случаев не дают оснований для оценки их как стилистически маркированных.

В произведениях А. Чехова, К. Паустовского и В. Тендрякова отмечены ещё единичные случаи деепричастий совершенного вида на -я (*войдя, придя, выйдя* и др.), которые были образованы в значительной степени, от глагола *идти* с приставками:

«**Подойдя** к дому, я увидел на нашем крылечке двоих, услышал приглушенные голоса» [Тендряков, 1979, с. 601].

«**Войдя** в мечеть, я оторопел» [Паустовский, 1958, с. 464].

«Однажды, **придя** в лавку колониционного фонда, я встретил там целую толпу интеллигентов» [Чехов, 1985, с. 172].

Как правило, формы на -а / -я употребляются как варианты форм на -в, -вши (*вошед, пришед, вышедши*).

Вторую группу по количеству образований составляют формы с суффиксом -учи (*идучи, едучи, будучи* и др.). Деепричастия с суффиксом -учи в исследуемых текстах представлены малым числом употреблений. Так, в произведениях А.П. Чехова, зафиксирована только 11 употреблений такого деепричастия. Среди них особое место занимают образования *будучи* (8 раз), *идучи* (1 раз) и *едучи* (2 раза):

«Если пейзаж в дороге для вас не последнее дело, то, **едучи** из России в Сибирь, вы проскучаете от Урала вплоть до самого Енисея» [Чехов, 1985, с. 33].

«Про него рассказывают, что когда он, идучи морем на Сахалин, захотел в Сингапуре купить своей жене шёлковый платок и ему предложили разменять русские деньги на доллары, то он будто бы обиделся и сказал: «Вот еще, стану я менять наши православные деньги на какие-то эфиопские!» И платок не был куплен» [Чехов, 1985, с. 56-57].

«Из разговора узнаю, что этот жирный человек бывал и в Томске, и в Иркутске, и в Иrbите, что он, будучи уже женатым, выучился самоучкой читать и писать» [Чехов, 1985, с. 19].

А у Паустовского отмечено 3 употребления деепричастий с суффиксом -учи. Среди них особое место занимают образования *будучи* (2 раза), *крадучись* (1 раз):

«К счастью, перед самой смертью Жеребцов, будучи уже в отставке, познакомился с писателем Евсеенко» [Паустовский, 1983, с. 422].

«Около дома Игнатовны встретился Ливан; он шел крадучись, согнувшись, как на лыжах» [Паустовский, 1958, с. 285].

У Тендрякова не отмечено не одного деепричастия с суффиксом -учи. Малая употребительность таких деепричастий отвечает и более старым, и более новым нормам их использования, так как эта группа деепричастий имела разговорный и фольклорный характер. Но на основании примеров в данных текстах, употребления форм с суффиксами -учи представляется возможным говорить о сохранении ими стилистической нейтральности на протяжении столетия. Сохранение формы на -учи от глаголов *идти* и *ехать*, на протяжении всего столетия определялось разными причинами. Для глагола *идти* на протяжении всего столетия предпочтительной оказывается форма деепричастия, образованная от основы *ид-* с помощью суффикса -учи. К тому же форма *идя* в течение долгого времени многими авторами XIX в.

считалась неприемлемой. Что касается глагола *ехать*, то у него просто отсутствовало деепричастие на *-а*, таким образом, форма с суффиксом *-учи* была единственно возможной формой, при образовании которой не возникало противоречия между основой и суффиксом.

Кроме этого, встречается одна форма на *-учи* (*крадучись*), которая выступает уже в качестве наречия. Именно она, подвергаясь адвербиализации, впоследствии перестала существовать как деепричастия.

Анализ деепричастных форм в художественных произведениях, относящихся к XIX-XX вв., показал, что:

1. В XIX веке процесс формального становления деепричастий, которые продолжают сохранять синонимичные образования, ещё не получил окончательного завершения. Объяснением этого могут служить разные факторы, среди которых наиболее значимыми представляются фонетическое (невозможность образования деепричастий от отдельных глаголов), а также стилистическое (использование тех или иных синонимичных форм в разнообразных стилистических целях);

2. В XIX веке ещё не достаточно четко определились закономерности в образовании деепричастий от глаголов совершенного и несовершенного вида. В произведениях А. Чехова отчетливо видно, что образование деепричастий большей частью не совпадает с нормой современного русского литературного языка. А значительно стабилизировались формы на протяжении XX в.;

3. Деепричастия совершенного вида различаются не только количественными показателями употребления деепричастных форм совершенного вида, но и разнообразием форм, использованием вариантных форм, образованных от одних и тех же глаголов (*приняв – принявши; прибыв–*

прибывши; отбыв – отбывши и др.). Синонимичные образования, которые употреблялись в произведениях А. Чехова не были противопоставлены ни по значению, ни стилистически, что позволяет говорить об их тождественности на протяжении XIX в.;

4. Самую многочисленную группу на протяжении XIX в. составляли деепричастия с суффиксом *-а, -я* от глаголов НСВ. Таким образом, для деепричастий НСВ было характерно стремление к выработке единой нормы в процессе конкуренции целого ряда синонимичных образований. Также наблюдается увеличение количества форм на *-в*, от глаголов совершенного вида не имеющих синонимов и увеличение активности суффикса *-вши* от невозвратных глаголов совершенного вида. В этом можно усмотреть попытку продолжить развитие формального противопоставления невозвратных и возвратных глаголов.

2.5 Анализ функций деепричастий в языке русской художественной литературы XIX-XX вв.

Что касается норм синтаксического функционирования деепричастий в современном литературном языке, его основными чертами:

1. Употребление деепричастия в функции второстепенного сказуемого, указывающего на добавочное действие, которое предшествует основному или сопутствует ему;

2. Совпадение субъектов основного и второстепенного действия;

3. Употребление деепричастия в обстоятельственном значении.

Анализ синтаксических функций деепричастий в исследуемых текстах показал, что в целом как в одиночном употреблении, так и в составе деепричастных оборотов деепричастия обладали теми же синтаксическими

функциями, что и в современном русском литературном языке. Употребление деепричастий как у А. Чехова и К. Паустовского и В. Тендрякова в подавляющем большинстве случаев не являются обстоятельством, а выступают в функции второстепенного сказуемого, обозначая действие, сопутствующее или предшествующее основному. Отмечено, что в тех текстах, в которых преобладает повествовательный элемент, чаще всего встречаются случаи употребления второстепенного сказуемого. Но при этом в данных текстах деепричастия совершенного вида обладают большей предикативностью, чем деепричастия несовершенного вида.

Типовым для деепричастий НСВ в данных произведениях было характерно значение второстепенного действия, сопутствующего основному, которое выражается суффиксами *-а*, *-я*. Такие деепричастия чаще стоят перед сказуемым и передают значение действия, одновременного с основным, сопутствующего ему и чаще примыкают к глаголам несовершенного и совершенного вида в прошедшем времени:

*«Сегодня, **сидя** со мной в небольшом саду около дома, Хатидже закрыла книгу и сказала:*

—Ты знаешь, что он утонул около тех камней, куда мы как-то выезжали на шлюпке. Ведь он был прекрасный пловец» [Паустовский, 1958, с.129].

*«Там, **стоя** на палубе «Байкала», я видел, как буксирный пароход, тащивший большую баржу с двумя сотнями солдат, утерял свой буксирный канат; баржу понесло течением по рейду, и она пошла прямо на якорную цепь парусного судна, стоявшего недалеко от нас»[Чехов, 1985, с. 51].*

А для деепричастий СВ в данных произведениях было характерно значение второстепенного действия, предшествующего основному, которое

выражается различными суффиксами: *-в, -вши, -ши, -а*. Такие деепричастия, в подавляющем большинстве случаев находятся перед сказуемым, выраженным личной формой глагола. При этом место, которое деепричастие занимает в предложении, не является случайным. Эта позиция определяется значением, выражаемым разными формами. Так, деепричастия, связанные по происхождению с формами прошедшего времени, в подавляющем большинстве случаев находятся перед сказуемым, выраженным личной формой глагола. Глаголы к которым примыкают деепричастия СВ со значением предшествования бывают совершенного и несовершенного вида в прошедшем времени больше, чем в настоящем:

«Закрыв дверь каюты, он посмотрел на нее так, что, если бы дверь была живым существом, она бы содрогнулась от страха» [Паустовский, 1958, с. 428].

«Получив звание крестьянина, татарин переехал на материк, мельницу же отдал в казну, а не своим татарам, так как был сердит на них за то, что они не избрали его в муллы» [Чехов, 1985, с. 297].

Значение второстепенного действия, предшествующего основному, в данных произведениях выражается формами, образованными от основ СВ, что позволяет говорить о все более возрастающем влиянии вида глагола на грамматическую семантику деепричастия.

Яркая особенность употребления деепричастия у А. Чехова, К. Паустовского и В. Тендрякова — употребление деепричастий в простых и сложных предложениях, но в обоих случаях при самостоятельном субъекте действия т.е. не включение подлежащего в деепричастный оборот.

В русском языке деепричастные конструкции со значением причины имеют широкое распространение. Однако в собранном нами материале

деепричастные конструкции со значением причины по степени употребительности менее распространены, чем деепричастные конструкции со значением времени. В нашем материале встречаются немногочисленные деепричастные конструкции со значением уступки и некоторые деепричастные конструкции со значением условия.

В произведениях А. Чехова, К. Паустовского и В. Тендрякова отмечаем малое количество примеров с деепричастием в функции наречия.

Важно отметить, что деепричастия в роли наречия у А. Чехова и В. Тендрякова чаще образуются с помощью суффикса *-а* без *-ся* от основ несовершенного вида, типа: *молча, не шутя, не спеша* и др. Такие наречия располагаются в препозиции или постпозиции по отношению к сказуемому, выраженному глаголом состояния, типа: *идти, сидеть*, и др. Такие наречия в большинстве случаев, бывают одиночные без обособления:

«Она села на диван, заплакала, потом пересилила себя и долго сидела молча» [Паустовский, 1958, с. 115].

*«На углу под акацией спал **сидя** чистильщик сапог, морищинистый и бессловесный айсор»* [Паустовский, 1958, с. 278].

*«Встал Степан Артемович. Опираясь ладонями на стол, подняв вверх узкие плечи, минуточку-другую он **молча** спокойно разглядывал сидящих вдоль длинного стола людей»* [Тендряков, 1979, с. 431].

*«Я не люблю, когда интеллигентный ссыльный стоит у окна и **молча** глядит на крышу соседнего дома»* [Чехов, 1985, с. 22].

*«Молодая бабенка, жена хозяйского сына, подает им чай на подносе и низко кланяется, они берут чашки и **молча** пьют»* [Чехов, 1985, с. 19].

*«Я **молча** отвернулся от него»* [Тендряков, 1979, с. 426].

*«Я **молча** кивнул ей головой»* [Тендряков, 1979, с. 426].

*«Палач берет плетъ с тремя ременными хвостами и **не спеша** расправляет ее»* [Чехов, 1985, с. 327].

*«Он входит в горницу и **молча** смотрит на меня: не дам ли я еще какого-нибудь совета?»* [Чехов, 1985, с. 14].

*«Он **молча** идет вперед, измеряет хворостиной глубину и пробует грунт, а мы за ним»* [Чехов, 1985, с. 17].

*«**Молча** закурили»* [Тендряков, 1979, с. 361].

*«Мы **молча** пили кислое вино и курили»* [Паустовский, 1958, с. 21].

*«Он **не спеша** объяснил Саше своё раскинувшееся хозяйство»* [Тендряков, 1979, с. 39].

*«Чай обжигает горло, а Игнат Егорович **не торопясь** рассуждает с Сашей, почему на залильном клине Овчинниковского луга в этом году из рук вон плохая трава»* [Тендряков, 1979, с. 44].

*«Быстро подошел Заремба, подсел, сказал **задыхаясь**: плохо дело, Кравченко»* [Паустовский, 1958, с. 356].

*«Я сию **не двигаясь**»* [Тендряков, 1979, с. 423].

Таким образом, в данных текстах наречия могут помещаться без заметного оттенка инверсии и впереди.

Кроме этих случаев, наблюдается и другая серия конструкций, в которых деепричастия, перешедшие в наречия, могут образоваться от глаголов

совершенного вида с суффиксами *-вишись, -ясь* в постпозиции по отношению к сказуемому, выраженному глаголами СВ. Такие наречия бывают одиночные с непереходным значением:

«Он посмотрел на меня *прищурившись*» [Паустовский, 1958, с. 476].

«Инженер смотрел на статую пристально и даже немного нахмурившись» паустовский [Паустовский, 1958, с. 628].

«Батулин сидел задумавшись и не глядел на сцену» [Паустовский, 1958, с. 319].

«Капитан медленно сел. Глаз смотрел на него прищурившись, – этот человек впервые вышел из своих грубых и резко очерченных берегов» [Паустовский, 1958, с. 401].

«Игнат сидел развальясь» [Тендряков, 1979, с. 13].

«Он кроток и добродушно рассудителен, но когда говорят о политике, то выходит из себя и с неподдельным пафосом начинает говорить о могуществе России и с презрением о немцах и англичанах, которых отродясь не видел» [Чехов, 1985, с. 56-57].

Анализ функционирования деепричастий в художественных произведениях, относящихся к XIX-XX вв., показал, что:

1. На основе исследованных материалов можно говорить о том, что деепричастие с XIX - до XX вв. претерпели существенные изменения, особенно в XX в. Если в XIX в. они ещё сохраняли следы старого грамматического деепричастия, то к XX в. они приближаются к нормам современного языка, т.е., на протяжении XX в. значительно

стабилизировались нормы синтаксического функционирования деепричастий, а отклонения от них получили статус частных исключений.

В целом в XIX-XX вв. было свойственно использование как одиночных деепричастий, так и деепричастных оборотов, передающих разные значения и близких по своему употреблению к нормам современного литературного языка. Но встречаются единичные ненормативные для современного языка деепричастные обороты, в которых субъект оборота и субъект остальной части предложения различны: «*Изогнув шею черным лебедем, лампа бросает яркий круг на зеленое сукно стола*» [Тендряков, 1979, с. 201].

Выводы по второй главе:

1. Деепричастие при создании художественного текста часто является выразительным средством. Оно дорисовывает движение и помогает описать более сложные действия, которые мыслятся как неразрывные, осуществляемые одновременно.
2. Система временных значений, выраженных деепричастиями, имеет отличный от системы временных форм глагола характер. Помимо того, что деепричастие не имеет морфологических показателей времени и не может выражать абсолютное время, разница заключается и в выражении относительного времени. Основное отличие заключается в том, что деепричастие обозначает процессуальный признак действия или состояния. Если относительное время глаголов выражает последовательность, одновременность и др. характеристики протекания действия, то деепричастия, отражая относительное время, называют прежде всего признак действия в его процессе. Ср.: *обдумывая, пишет статью*. Но, в отличие от наречия, признаковая характеристика действия у деепричастий динамична. Ср.: *пишет быстро* и *пишет, обдумывая*.

Деепричастие в языковой системе можно представить в виде поля: в центре – глагольная форма, предназначенная для выражения таксисных значений одновременности / разновременности, т.е. связанная с категорией времени. При этом в абсолютном центре ядерными окажутся деепричастия совершенного вида, ближе к периферии – деепричастия несовершенного вида, которые могут переходить в другие части речи. Так как для деепричастия характерны (а) связь с опорной формой во времени и (б) связь с (семантическим) субъектом основного предиката, то при полном нарушении одной из этих связей становится возможным переход деепричастия в другие части речи.

3. Одиночные обособленные деепричастия, как правило, выражают обстоятельственные значения образа или способа действия. Но нельзя исключать и определенную полупредикативность таких отношений, которая проявляется в интонационном и пунктуационном обособлении, например: Старик, **кряхтя** нсв и **охая** нсв, поднимается с земли; первые две тройки возвращаются, подъезжает еще четвертая тройка, потом пятая... [Чехов, 1985, с. 9]. Одиночные обособленные деепричастия могут выражать также значение обстоятельства времени, причины и др.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное нами исследование отражает синхронную картину употребления деепричастий несовершенного и совершенного видов в русской художественной литературе XIX-XX вв. Анализ художественных произведений, показал, что на протяжении всего столетия деепричастия были востребованным средством организации коммуникативного содержания предложения. Они служили средством «сгущения мысли», позволяя путем осложнения структуры простого предложения наполнять его добавочным содержанием. В первую очередь сказанное касается не только деепричастных оборотов, но и одиночные деепричастия, выполняя функцию второстепенного сказуемого или обстоятельства, вносили в предложение дополнительное содержание.

Анализ деепричастий, как в одиночном употреблении, так и в составе оборотов, даёт возможность достаточно ярко наблюдать процессы, свидетельствующие об эволюции категории деепричастия. Если в середине XIX века наблюдается большое количество архаичных форм деепричастий, то к началу XX века употребление архаичных форм деепричастий сокращается. Мы полагаем, что деепричастие стабилизировало свои формы и функции уже к XX в. Формальная стабилизация деепричастия осуществлялась в результате конкуренции синонимичных форм, каждая из которых непросто уступала свои позиции, находя для себя место в структуре стилистических и грамматических отношений, образуя новые синонимические ряды и давая тем самым импульс для дальнейшего развития.

Синтаксические особенности функционирования деепричастий демонстрируют дальнейшую специализацию этой грамматической категории, развивающуюся в двух основных направлениях: в развитии их предикативных возможностей, которые выразились в обозначении

второстепенного действия, сопутствующего основному или предшествующего ему, а также в обозначении различных обстоятельственных характеристик протекания основного действия.

Таким образом, деепричастия (как одиночные, так и в составе) способны передавать широкий спектр семантических и синтаксических отношений.

В предпринятой работе практически невозможно решить все вопросы, связанные с использованием деепричастий и деепричастных оборотов русского языка. Для решения этих вопросов нужно привлечь больше фактического материала и нужно ещё накопить знания о русском языке. Однако исследование даёт нам возможность подготовить некоторые материалы, которые могут быть использованы в преподавании русского языка в Алжирской аудитории.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Абакумов С.И. Современный русский литературный язык. М. 1942.
2. Абид Л. Взаимодействие вида и контекста в повествовании в современном русском языке. Докт. Дис. — Алжир, 2005.
3. Аникина А. Б. Сборник упражнений по морфологии для иностранцев, изучающих русский язык. М.: Московский университет, 1963.
4. Арутюнова Н. Д., А. В., Бондарко, В. В., Иванов В. В., и др. / под ред. Н. Ю. Шведовой,. Русская грамматика: в 2 т. Т. 1.: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология Академия Наук СССР, Институт Русского языка. — М.: Наука, 1980.
5. Баранов М. Т., Т. А. Костяева, А. В. Прудникова, Русский язык. М.: Просвещение, 1989.
6. Барсов А. А. / под ред. Б. А. Успенского. Российская грамматика, 1981. — М.: Издательство Московского университета, 1981.
7. Белошапкова В.А. Современный русский язык. 1981.
8. Белошапкова В. А., Брызгунова Е. А., Земская Е. А. и др. / под ред. В. А. Белошапковой. Современный русский язык: учебник для филологических специальностей университетов, 2-е изд. , испр. и доп. — М.: Высшая школа, 1989.
9. Битехтин Г. А., Протасов Т. Н. Грамматика русского языка в иллюстрациях. М.: Русский язык, 1990.
10. Богородицкий В. А. Общий курс русской грамматики, 5 -е изд., пере-раб.- М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1935.

11. Бондарко А.В. Вид и время русского глагола.1971.
- 12.Бондарко А.В.Некоторые особенности переносного употребления времени глагола. 1965
- 13.Бондарко А.В. О значениях видов русского языка.1990.
- 14.Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии.2003.
- 15.Бондарко А.В. и Буланин Л.П. Русский глагол.1967.
- 16.Бондарко А.В. Теория морфологических категорий.2005.
17. Бортэ Л. В. О грамматическом статусе "смешанных классов слов".-В кн.: "Вопросы грамматики и лексикологии русского языка". Кишинев, 1979.
18. Булыгина Т.В. К построению типологии предикатов в русском языке.1982.
19. Бурнисса А. Лингводидактические основы обучения виду русского глагола арабских студентов-филологов на начальном этапе. Докт. Дис. — Москва, 2005.
20. Буслаев Ф. И. Учебник русской грамматики сближенной с церковнославянскою, М.:Типография Э. Лисснера и Ю. Романа.1896.
21. Буслаев Ф.И. Историческая грамматика. М.: 1959.
22. Валгина Н .С. Современный русский язык. М.: Логос, 2002.
23. Валгина Н. С., Розенталь Д. Э., Фомина М. И., Цапукевич В. В. Современный русский язык. Изд. 3-е. М.: «Высшая школа», 1966.

24. Величко А. В. Книга о грамматике. Русский язык как иностранный, 3-е изд., испр. и доп., – М.: Издательство Московского университета, 2009.
25. Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М.: Высшая школа, 1972.
26. Виноградов В.В. Словообразование в его отношении к грамматике лексикологии / Вопросы морфологии и синтаксиса современного русского языка.1952.
- 27.Виноградов, В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) [Текст] / под ред. Г. А. Золотовой. – 4-е изд. – М.: Русский язык, 2001.
28. Воробьева Г. Ф. , Панюшева М. С., Толстой И. В. Современный русский язык. Синтаксис. Учебное пособие. М.: Русский язык. 1975.
29. Востоков А. Х. Русская грамматика, 2-е изд. – СПб.: Тип. И. Глазунова, 1835.
30. Галикина-федорук Е.М. Современный русский язык. 1964.
31. Гвоздев А. Н. Современный русский литературный язык. Ч. 1. М.: 1958.
32. Гвоздев А.Н. Очерки по стилистике русского языка.1955.
- 33.Голанов И.Г. Морфология современного русского языка.2007.
34. Грамматика современного русского литературного языка.1970.
35. Греч Н.И. Практическая русская грамматика, – 2-е изд., испр. – СПб.: Тип. издателя, 1834.
36. Гуревич В.В. О значениях глагольного вида в русском языке.1971.

37. Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка. М.: Просвещение, 1964.
38. Известия отделения русского языка и словесности, 1916, т. 21, кн. 1. С. П. Обнорский
39. Калинина И. К., Аникина А. Б. Современный русский язык. М.: Русский язык, 1975.
40. Карцевский С.О. Система русского языка. 1962.
41. Кечик С.Я. Деепричастие в современном белорусском литературном языке. Минск, 1976, 24 с.
42. Кошмидер Э. Назначение категории вида в системе грамматики. 1962.
43. Кржижкова Е. Категория времени в современном русском языке. 1962.
44. Кузнецов П. С., У истоков русской грамматической мысли. М.: Академия наук СССР, 1958.
45. Кузнецов П.С. К вопросу о сказуемом употреблении причастия и деепричастия в русских говорах. Материалы и исследования по русской диалектологии. 111, 1949.
46. Кустова Г. И. К. И. Мишина, В. А. Федосеев, Синтаксис современного русского языка. М.: Издательский центр «Академия», 2005.
47. Лобанова Н.А., Степанова Л.В. Употребление видов глагола. 1970.
48. Ломоносов М. В . Российская грамматика. изд. – М.: 1982.

- 49.Лопатина Л.Е. Употребление синтаксических конструкций, параллельных деепричастным оборотам (Уч.зап. Моск.гос.пед.ин-та им.В.И. Ленина), кафедра русского языка,вып.8, М., 1958, с.77-94. статью: 1978
- 50.Маслов Ю.С. Вопросы глагольного вида.1962.
51. Мучник И.П. Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке.1971.
52. Мушанинов И.И. Глагол. 1948.
53. Никифоров 1952 – Никифоров С.Д. Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI века / С.Д.Никифоров. – М.: Изд-во АН СССР, 1952.
- 54.Нурен А. Вопросы глагольного вида.1962.
- 55.Овсяннико-Куликовский Д. Н. Синтаксис русского языка СПб., 1912.
- 56.Одинцова М.П. Вопросы теории и методики описания синтаксических синонимов. М., 1972.
57. Павский Г. П. Филологические наблюдения над составом русского языка. Рассуждение третье. О глаголе [Текст] / Г. П. Павский. – 2-е изд. – СПб.: Тип. Императорской АН, 1850.
- 58.Падучева Е.В. О семантике грамматической категории времени и вида в повествовательном тексте.1996.
- 59.Панова г.и. О содержательных типах повторяемости действия в русском языке.1980.
- 60.Паустовский К. Г. Собрание сочинений в шести томах. Т. 1. М.: Гослитиздат, 1958.

61. Пешковский, А. М. Русский синтаксис в научном освещении, 8-е изд., доп. - М. : Яз. славянской культуры, 2001.
62. Попов А.С. Соотношение деепричастия и предикатива как особого второстепенного члена предложения в современном русском языке, 1966.
63. Попов Р. Н., Валькова Д. П. Маловицкий Л.Я. и др. Современный русский язык. М.: Просвещение, 1978.
- 64.Поташкина Ю.А. Категория временной соотносительности действий в современном русском языке.1984.
65. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. I М.: 1958.
- 66.Пулькина И.М, Захав-некрасова Е. Б. Учебник русского языка для студентов-иностранцев. М.: Высшая школа, 1960.
- 67.Размусен Л.П. О глагольных временах и их отношении к видам в русском языке.1891.
68. Рассудова О.П. Употребление видов глагола в русском языке.1968
69. Розенталь Д. Э. Современный русский язык. Ч. 1. М.: Высшая школа, 1976.
- 70.Рощина Л. М. Соотношение лексической семантики и видовых значений в глаголе (в сфере повторяемости действия).1982.
71. Рощина Л. М. Способы выражения повторяемости действия в современном русском языке.1977.
72. Руднев А. Г. Синтаксис осложненного предложения. М., 1959.
73. Русская грамматика. М., Наука, 1980, т.1.

74. Соколова М.А. Очерки по исторической грамматике русского языка. 1962.
75. Тендряков В. Ф., Собрание сочинений, т. 2. М.: Художественная литература. 1979.
76. Ульянов Т.К. Значения глагольных основ в литовско-славянском языке. II часть: Основы, обозначающие различия по видам. Варшава, 1895.
77. Черных П. Я. Историческая грамматика русского языка. Краткий очерк. 1962.
78. Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем. В 20-ти т., т. 1. М.: Правда, 1985.
79. Шанский Н.М., Тихонов А.Н. Современный русский язык: в 3-х ч. – Ч. 2. – М., 1981.
80. Шахматов А. А. Очерк современного русского литературного языка. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство, 1941.
81. Шелякин М. А. Справочник по русской грамматике. изд. 3-е. М.: Русский язык, 2003.
82. Широкова Е. Г. Значения несовершенного вида русского языка и условия их реализации. 1976.
83. Щерба, Л. В. О частях речи в русском языке // Избранные работы по русскому языку - М. : Учпедгиз, 1957.